DK
198
.15

ИЗДАНІЕ ТИПОГРАФІИ
А. А. ЛОРОХОВЩИКОВА.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ
СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО
УЧЕНІЯ.

6к

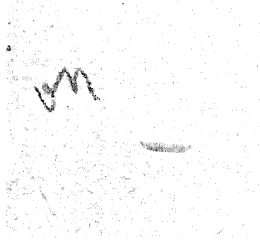
А. Кирѣевъ.

Цѣна съ перес.
15 коп.

2-й эк

С.-Петербургъ, Гороховая, д. № 12.
1896.

6к
2-и экз



Оглавленіе.

	Стр.
Возникновеніе славянофильства	2
Славянофильская формула	3
Православіе	4
Самодержавіе	5
Народность	7
Противники славянофильства	9
Разсмотрѣніе нашихъ основоположеній	12
Затруднительное положеніе православія	13
Предложенія Запада	14
Недостатки нашей церковной жизни	16
Обвиненія въ Византизмѣ	18
Миръ съ „Западнымъ“ христіанствомъ	20
Домогательства Запада	22
Возможность и условія возстановленія единства Церкви	25
Условія примиренія	28
Самодержавіе	30
Византійскія вліянія	—
Три формулы самодержавія	32
Оцѣнка формулъ и типовъ	33
Возможность ошибокъ	34
Ихъ исправленіе	35
Тщетность конституціонныхъ гарантій	37
Обязательства Царя передъ Церковью и совѣстью	—
Истинныя гарантіи преуспѣянія	39
Реформа Петра Великаго	—
Парламентаризмъ и его эволюція	42
Этическій элементъ заслоняемый на западѣ элементомъ юридическимъ	45

Ближайшая будущность анархизма 46
Государство типа славянофильскаго 54
Отсутствіе гарантій 55
Право 57
Нашъ политическій мессіанизмъ 60
Гласность. Ея необходимость 61
Цензура 63
Гарантіи гласности 65
Народность 67
Наши отношенія къ славянамъ 68
Политика уступчивости 74
Поляки и другіе инородцы и иновѣрцы 76
Мнимыя противорѣчія въ славянофильствѣ 80
Двойственныя основанія западной культуры 82
Мнимый эклектизмъ въ славянофильствѣ 85
Отношенія наши къ народу 89

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ
СЛАВЯНОФИЛЬСКАГО УЧЕНІЯ.

„Краткое Изложеніе Славянофильскаго Ученія", предлагаемое нынѣ вниманію читателей, представляетъ лишь сводъ положеній, изложенныхъ въ органѣ Славянскаго Бл. Общества *), имъ одобренныхъ и впослѣдствіи развитыхъ мною въ моихъ полемическихъ статьяхъ и публичныхъ собесѣдованіяхъ.

Руководствуясь, между прочимъ, и указаніями моихъ критиковъ, я постарался выяснить и сгруппировать какъ наши основоположенія, такъ и возраженія на нихъ нашихъ противниковъ, изложивъ и тѣ и другія въ возможно краткой и общедоступной формѣ. Такимъ образомъ настоящій трудъ мой можетъ служить какъ бы справочной книжкой славянофильства, по крайней мѣрѣ по тѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ, которые были, за послѣднее время, обсуждаемы въ нашей литературѣ. Возник-

*) „Извѣстія" Славянскаго Благотворительнаго Общества. 1883 г. Октябрь. Руководящая статья 1-го №.

новеніе новыхъ вопросовъ дало уже мнѣ, и дастъ еще, случай заняться ими и представить ихъ рѣшеніе *) Въ этихъ дальнѣйшихъ работахъ будетъ иногда повторяться то, что уже было сказано въ предыдущихъ; это неизбѣжно при всякой полемикѣ; (а намъ постоянно приходится полемизировать, спорить) но такія повторенія приносятъ несомнѣнную пользу, когда имѣется въ виду значительный и часто мѣняющійся кругъ читателей, когда приходится распространять и „популяризировать“ извѣстныя мысли.

Возникновеніе славянофильства.

Славянофильское ученіе, замкнутое, при своемъ возникновеніи (тридцатые и сороковые года нынѣшняго столѣтія), въ кабинетахъ основавшихъ его мыслителей и ученыхъ, было встрѣчено верхними слоями тогдашняго нашего общества, насильственно оторваннаго отъ народа и находившагося подъ иноземнымъ вліяніемъ,—съ замѣтнымъ недовѣріемъ; оно казалось ему парадоксальнымъ, неудобопонятнымъ; а „высшія правительственныя сферы“ на него косились, усматривая въ его свободомысліи—революціонныя начала. Мало-по-малу, однако, хотя и не безъ борьбы, славянофильство начало проникать въ сознаніе нашего общества. Въ достопамятныя времена освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости **) и балканскихъ славянъ—отъ ту-

*) Такъ, одновременно съ симъ „Краткимъ изложеніемъ“, печатаются „Задачи Россіи на православномъ Востокѣ“.

**) Съ надѣленіемъ ихъ землею и съ удержаніемъ столь дорогаго славянофильству древняго общиннаго устройства.

рецкаго ига *) ученіе наше, въ лицѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ представителей (Самаринъ, Аксаковы, Черкасскій), нашло себѣ практическое выраженіе и сослужило Россіи великую службу.

Выведенное обстоятельствами на всемірно-историческую дорогу, славянофильское ученіе, выражаемое извѣстной формулой „*Православіе, самодержавіе* и *народность*“, несомнѣнно удержитъ свое значеніе и впредь, (каковы бы ни были временные его представители), ибо оно несомнѣнно истинно и несомнѣнно соотвѣтствуетъ религіознымъ, этическимъ и политическимъ идеаламъ нашего народа. Скажу болѣе: основанія нашего ученія, хотя, конечно, въ измѣненномъ видѣ, вѣроятно, будутъ приняты и на Западѣ, когда онъ еще болѣе убѣдится въ несостоятельности тѣхъ юридическихъ и нравственныхъ основъ, на которыхъ онъ кое-какъ еще держится, когда онъ въ нихъ окончательно извѣрится; *начало* этого поворота мы видимъ уже и теперь.

Славянофильская формула.

Въ октябрскомъ 1-мъ № Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества (1883 года) вкратцѣ сказано слѣдующее: „Въ чемъ заключаются идеалы, которымъ служило и будетъ служить Славянское

*) И въ томъ и въ другомъ случаѣ славянофильство явилось вѣрнымъ истолкователемъ стремленій русскаго народа. Замѣчу, къ стати, что въ роковыхъ ошибкахъ, сопровождавшихъ и крестьянскую реформу (распложеніе кабаковъ и уничтоженіе дешеваго земельнаго кредита) и освободительную войну (уступка Босніи и Герцеговины Австріи и введеніе нелѣпой конституціи въ Болгаріи), славянофилы совершенно неповинны.

Общество? Какіе это идеалы? Это тѣ же самые, передъ которыми преклоняется и русскій народъ: ‹*Православіе*, понимаемое какъ сумма его этическихъ взглядовъ, *Самодержавіе*, какъ выраженіе его взглядовъ политическихъ,—и то и другое неразрывно и органически связанное съ русскою *народностію*, которая служитъ имъ сферой дѣйствія, и которой *они* служатъ высочайшимъ выраженіемъ!›

Православіе. ‹„Христіанская вѣра, и притомъ въ ея восточной православной формѣ, есть тотъ идеалъ, который наиболѣе дорогъ русскому народу, который для него выше всего на свѣтѣ.› Онъ обусловливалъ изстари, обусловливаетъ и нынѣ всю нравственную жизнь русскаго народа“. Православная церковь наша одинаково удалена какъ отъ доведеннаго до абсурда авторитета римскаго первосвященника (непогрѣшимость), уничтожающаго всякую нравственную свободу христіанина, такъ и отъ протестантской атомизаціи церкви, уничтожающей всякій авторитетъ; ни римскій католицизмъ, ни протестантизмъ не могутъ удовлетворить религіозныхъ потребностей русскаго, православнаго человѣка. ‹Только православная церковь, въ которой уравновѣшены свобода и авторитетъ, церковь, неизмѣнная въ своемъ божественно-установленномъ ученіи, можетъ не только выполнить свое высшее назначеніе относительно каждаго отдѣльнаго христіанина, но и дать высшее освященіе (высшую санкцію) государству; только она превращаетъ политическое Россійское государство—въ „*Святую Русь*“ т. е. въ государ-

ство-церковь, чѣмъ наше отечество и должно оставаться вѣчно и неизмѣнно. Припомню, что это выраженіе „святая Русь“, надъ которымъ смѣются люди, не понимающіе его глубокаго значенія, получило неоспоримое право гражданства, появившись въ авторитетнѣйшемъ документѣ, исполнившемъ радостію всѣ „русскія сердца“ *). Въ православіи заключаются не только залогъ самобытнаго, духовнаго значенія Россіи, ея вселенскаго историческаго призванія, но, въ значительной степени, и залогъ обновленія и всего славянства. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что русскій человѣкъ *болѣе, первѣе христіанинъ и сынъ православной церкви, нежели гражданинъ русскаго государства.* Вѣдь и на мірскихъ сходкахъ крестьяне, обращаясь къ своимъ односельчанамъ, говорятъ имъ не „господа“, не „сограждане“, а „православные“!

Самодержавіе.

„Въ самодержавіи,—сказано далѣе въ нашей „Исповѣди“,—мы видимъ ту силу, которая собрала раздробленную Россію. Самодержавіе, *неразрывно связанное съ православіемъ*, твердо вѣрящее въ себя, не боящееся лежащей на немъ отвѣтственности, близко знакомое съ нравственными потребностями своего народа и ведущее его къ тѣмъ идеаламъ, въ которые онъ вѣритъ, несомнѣнно, наилучшая форма правленія, по крайней мѣрѣ, для Россіи.“ Мы не только не желаемъ, въ какомъ бы то ни

*) Манифестъ Императора Николая II при вступленіи на престолъ.

было направленіи, умаленія самодержавной власти, не желаемъ никакого ограниченія ея правъ конституціонными учрежденіями,—напротивъ, мы желали бы ея усиленія, и именно въ отношеніи ея способности узнавать дѣйствительныя нужды и желанія народа; мы вѣримъ, что для сего ей слѣдуетъ быть въ постоянномъ, реальномъ общеніи съ „землей", съ народомъ. Однако, еслибы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, самодержавная власть сочла умѣстнымъ достовѣрно узнать мысль народа, посовѣтоваться съ нимъ, какъ то бывало не разъ*) на земскихъ соборахъ, мы, славянофилы, желали бы, чтобы самодержавная власть не поступалась при этомъ своими правами въ пользу какихъ бы то ни было сословій или партій. Русскій народъ не желаетъ никакихъ перемѣнъ въ конституціонномъ направленіи: онъ желаетъ лишь *одного*—чтобы Царю были дѣйствительно извѣстны его нужды, его желанія, чтобы онъ имѣлъ возможность доводить о нихъ до свѣдѣнія самого Царя. Безъ этого права, этой возможности, вытекающихъ изъ взгляда народа на своего государя, *какъ на отца*, и столь же священныхъ, какъ и право дѣтей обращаться къ своему естественному отцу,—и семейство и са-

*) Всего съ 1550 по 1698 года было 32 собора разнаго характера и состава. Иногда значеніе ихъ было очень велико; помощь ихъ Царю была иногда неоцѣненна. Земскіе соборы были исключительно органы *совѣщательные*. Они высказывали *мнѣнія*. *Рѣшеніе* принадлежало Царю. Соборы наши не были представителями всей земли, а лишь ея мнѣній, чѣмъ и отличаются отъ западныхъ парламентовъ настоящаго времени.

модержавіе превращаются въ жестокую, ужасную деспотію! Только при этихъ условіяхъ можетъ осуществляться нашъ славянофильскій, истинно древнерусскій строй. При такихъ отношеніяхъ любви и вѣры въ Царя, русскій народъ, конечно, не можетъ желать и никогда не пожелаетъ превратить своего Царя-Отца въ какую бы то ни было парламентарную машину, никогда не промѣняетъ его ни на какого наилиберальнѣйшаго „премьера“.

„Мы твердо вѣруемъ,—писали мы въ нашемъ адресѣ къ Царю Александру II,—что лишь въ любовномъ единеніи Царя съ народомъ заключается наше спасеніе, а не въ какихъ-либо измышленныхъ и изъ чужа взятыхъ договорно-конституціонныхъ формахъ... Мы вѣруемъ и въ древнюю правду, искони проникшую въ душу народа русскаго, что Царь его есть и отецъ его... что дѣти всегда придутъ къ отцу своему безбоязненно... что отношенія русскаго народа къ Царю-Отцу своему лишь любовно-свободны и безбоязненны, а не мертвенно-формальны и договорны. Мы вѣримъ въ свободу дѣтей въ семьѣ отца любящаго и любви дѣтей вѣрящаго,—въ свободу, безъ которой истинно русскій человѣкъ не можетъ себя и вообразить“.

Такъ выражались мы нашемъ адресѣ, и выраженныя въ немъ мысли и чувства были удостоены Царскаго одобренія!

Народность.

Съ понятіемъ нашимъ о самодержавіи неразрывно связано понятіе о *народности*. Она служитъ

сферой дѣйствія и оплотомъ самодержавія, но сама должна быть имъ оберегаема и охраняема. Мы дорожимъ нашею народностью даже въ частностяхъ, въ мелкихъ особенностяхъ *), придающихъ народу нашему его самостоятельный характеръ, его своеобразный типъ. Стремленіе славянофиловъ оградить нашу народность отъ всякихъ на нее посягательствъ, желаніе дать ей, напротивъ, возможность развиться и укрѣпиться, служили издавна предлогомъ разныхъ нападокъ на наше ученіе. Говорятъ и говорили, что мы развиваемъ эгоистическую исключительность, что такое превознощеніе себя надъ другими народами помѣшаетъ намъ достигнуть высшаго, всечеловѣческаго развитія!.. Ничего этого, конечно, нѣтъ, всѣ эти обвиненія ни на чемъ не основаны. Самосознаніе и стремленіе уберечь свою народность отъ разныхъ на нее посягательствъ ни мало не помѣшаютъ народу достигнуть высокой степени культуры, достигнуть того развитія, того совершенства, при которомъ, оставаясь самимъ собою, онъ служитъ уже высшимъ цѣлямъ всего человѣчества; (это вѣрно и относительно отдѣльныхъ людей). Скажу болѣе: только оставаясь вѣрнымъ своей народности, можетъ человѣкъ и ее вести къ высшему всечеловѣческому типу; только за *своимъ* героемъ, за *представителемъ своей народности* пойдетъ и самый на-

*) Такъ же точно и въ религіи нашей мы дорожимъ и ея внѣшностью, ея древними обрядами, хотя, конечно, не приписываемъ имъ догматическаго, *обязательнаго для другихъ*, значенія.

родъ. Великіе мыслители никогда не были безличными интернаціоналами; развѣ Шекспиръ, Бэконъ не чистые англичане, Мольеръ развѣ не французъ, Лютеръ, Гете или Шиллеръ не нѣмцы? а нашъ Пушкинъ развѣ не русскій? Это безусловно вѣрно и въ сферѣ жизни политической: и государи могутъ вести свой народъ къ высшимъ гуманитарныхъ цѣлямъ, лишь *мысля*, *чувствуя и идя въ согласіи со своими народами*, угадывая ихъ стремленія, сочувствуя ихъ идеаламъ, помогая неяснымъ иногда чувствамъ перейти въ сознаніе, какъ прекрасно выразилъ это поэтъ Майковъ, говоря о недавно лишь почившемъ Государѣ и о Россіи:

И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ!

Таково, въ краткихъ словахъ, наше исповѣданіе (наша professio fidei), выражающееся въ формулѣ— *Православіе*, *Самодержавіе*, *Народность*.

Противники славянофильства.

Ни съ однимъ изъ нашихъ принциповъ (нашихъ основоположеній) разнообразные противники наши не согласны. Партій у насъ, въ смыслѣ западномъ, къ счастью,—нѣтъ. Россія еще крѣпко сплочена, мы правда придерживаемся того или другаго теченія мысли, причисляемъ себя къ тому или другому лагерю, но не выдѣляемъ себя изъ общаго отечества, какъ на западѣ, гдѣ партіи начинаютъ уже сильно заслонять идею государства; это уже ясно выражается въ дѣйствіяхъ, на прим., партій ультрамон-

танской и соціалъ-демократической *) (въ особенности у „анархистовъ“).

Противники наши распадаются на два главныхъ лагеря, кружка (относящіеся, впрочемъ, другъ къ другу очень враждебно) а именно—1) на поборниковъ вообще западныхъ идей, болѣе или менѣе опредѣленныхъ сторонниковъ *конституціонализма, народовластія*, различныхъ степеней и видовъ (это „западофилы“, „западники“ „въ собственномъ, тѣсномъ смыслѣ слова) и 2) напоборниковъ, во что бы то ни стало, per fas et nefas, существующаго въ данную минуту положенія дѣлъ, вообще поклонниковъ „всего существующаго“ и въ церкви, и въ обществѣ, и въ государствѣ: они готовы отвергать самые очевидные факты **), если факты эти идутъ въ разрѣзъ съ ихъ слѣпымъ оптимизмомъ. Это представители и сторонники такъ называемаго *просвѣщеннаго бюрократизма*; ихъ идеалъ—административный, просвѣщенный абсолютизмъ (der Polizeistaat), считающій народъ, общество, находящееся внѣ правительственныхъ сферъ, неспособнымъ указать на свои потребности, духовныя или матеріальныя, неспособнымъ дать умный совѣтъ. Они группируются не столько около какой-либо государственной мысли, какой-либо научной теоріи или системы, сколько около фактовъ, около

*) Наши малочисленные нигилисты тоже, конечно, не могутъ считаться *партіей*, какъ не могутъ считаться партіей, напр., сумасшедшіе, или расходившаяся пьяная толпа, дошедшая до безобразій, убійствъ и т. п.

**) Такъ, на прим., нѣкоторые изъ нихъ упорно отвергали существованіе послѣдняго голода, свирѣпствовавшаго въ 17 губерніяхъ.

„*существующаго*“, принимая иногда неподвижное болото за неколебимую скалу. Какъ на образецъ наилучшаго государственнаго устройства, они указываютъ на Францію Людовика XIV, на Пруссію Фридриха Великаго. Они забываютъ, что великіе люди—счастливая и исключительная случайность, при какомъ бы то ни было образѣ правленія, что для того, чтобы быть Кольберомъ или Бисмаркомъ, недостаточно быть министромъ или канцлеромъ. У насъ этотъ строй введенъ Петромъ Великимъ. Въ Европѣ онъ уже отживаетъ свой вѣкъ и представителей уже не имѣетъ. Значеніе его—временное, преходящее; и такъ какъ онъ не соотвѣтствуетъ какой-либо научной системѣ положительнаго характера, то съ представителями его, которые, впрочемъ, могутъ быть и предостойными людьми, нѣтъ ни возможности, ни причины спорить: за то западники - конституціоналисты могутъ опираться, и опираются, на строго выработанную политическую систему; съ ними намъ, славянофиламъ, и приходится спорить и бороться *).

---

*) Сравнительная многочисленность ихъ обусловливается не столько достоинствами самой защищаемой ими конституціонной системы, сколько промахами и ошибками администраціи. Какъ недостатки нашей учебной системы (преимущественно университетскихъ программъ, изъ которыхъ была исключена философія) въ значительной степени виноваты въ порожденіи въ (60-хъ годахъ) нашего дикаго и недоучившагося нигилизма, такъ недостатки нашего административнаго строя виноваты въ усиленіи западничества, указывающаго на конституцію какъ на единственное спасительное средство отъ всѣхъ золъ и на мнимую представительницу свободы.

Въ настоящее время формула славянофильства, разсматриваемая въ своихъ основаніяхъ, едва-ли найдетъ много противниковъ. *Принципіально* истинность ея, по крайней мѣрѣ относительно Россіи, готовы признать и болѣе умѣренные и разумные представители западническаго направленія. Они даже говорятъ, что мы, славянофилы, не имѣемъ права считать себя какъ бы исключительными обладателями заключенныхъ въ нашей формулѣ истинъ, всѣхъ же другихъ,—западниковъ, конституціоналистовъ, латинствующихъ (вѣрнѣе уніатствующихъ)—„считать чутъ не врагами Россіи, вѣроотступниками, людьми лишенными всякаго патріотизма, и т. п.

Все это, конечно, напраслина—ничего подобнаго мы никогда не говорили,—но нельзя не замѣтить, что можно въ теоріи признавать разныя истины, въ примѣненіи же настолько ихъ видоизмѣнять разными ограниченіями, дополненіями и „улучшеніями", что въ концѣ концовъ онѣ дѣлаются не только неузнаваемыми, но и обращаются въ прямо себѣ противоположное!

Разсмотрѣніе нашихъ основоположеній.

Перехожу къ болѣе подробному разсмотрѣнію нашихъ основоположеній. Принципъ, нормирующій всю нашу систему, наиболѣе важный и безусловно и неизмѣнно истинный, есть *Православіе*. Мнѣ, конечно, не для чего объяснять, что должно понимать подъ этимъ словомъ. Мнѣ собственно предстоитъ выяснить: какъ мы понимаемъ отношенія

нашей церкви къ нашему отечеству, въ какомъ смыслѣ вѣра наша обусловливаетъ нашу жизнь?

Положеніе, въ которомъ находится наша вселенская православная церковь—крайне трудное. Она разбита на пятнадцать автокефальныхъ частей, разъединенныхъ и почти лишенныхъ возможности поддерживать другъ друга въ случаѣ опасности или нужды. Онѣ вынуждены вести тяжелую борьбу за существованіе противъ и внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Зачастую имъ приходится защищаться и отъ государствъ, въ которыя онѣ включены исторіей; тяжкую борьбу имъ приходится вести съ латинствомъ, постоянно усиливающимъ свою пропаганду, и съ нѣкоторыми протестантскими обществами, тоже, подъ-часъ, склонными къ пропагандѣ. Наконецъ, не должно забывать и враговъ чисто-отрицательнаго свойства — разныхъ философскихъ ученій (враждебныхъ не только христіанству, но и всякому деизму), и въ особенности современный индифферентизмъ, неудержимо подтачивающій наши нравственныя силы. Не вездѣ борьба эта и успѣшна; однако, самое важное условіе нашей религіозной и нравственной жизни: *безусловная истинность нашего догматическаго ученія не поколеблена* ни въ одной изъ православныхъ автокефальныхъ церквей. Можетъ быть, оно кое-гдѣ затемнено, кое въ чемъ не выяснено; въ особенности запутаны отношенія между церковью и государствомъ, но, *въ основаніи своемъ*, ученіе это столь же истинно, какъ и ты-

Затруднительное положеніе православія.

сяча лѣтъ тому назадъ. Мы знаемъ, что „врата адовы“ церкви Христовой не одолѣютъ, знаемъ, что у насъ есть крѣпкій якорь спасенія, знаемъ, гдѣ намъ искать опоры и поученія во всѣхъ нашихъ сомнѣніяхъ, недомысліяхъ и нравственныхъ обморокахъ, которые такъ часто слѣдуютъ у насъ за самымъ высокимъ подъемомъ духа!

Предложенія запада.

Представители „Запада“ говорятъ намъ *): Въ богословскія тонкости мы вдаваться не будемъ; можетъ быть, вы и правы въ теоріи, но не очевидно-ли, что ваша практика *очень* расходится съ вашею теоріей? не впадаете-ли вы въ крайній оптимизмъ, разсчитывая на вашу связь съ этою, очень отдаленною отъ насъ, безусловною истиной, бывшей удѣломъ древней, еще не раздѣленной церкви? Якорь у васъ положимъ, есть, и якорь надежный, но цѣпь, которая васъ съ нимъ связываетъ, едва-ли такъ надежна, какъ вамъ кажется; не лопнетъ-ли она, если вы вздумаете ее подтянуть и осмотрѣть вашъ якорь? поручите лучше дѣло это намъ, людямъ Запада,—у насъ есть надежные мастера, которые пересмотрятъ звенья цѣпи и перечинятъ ихъ, гдѣ нужно... Такого рода рѣчи

*) Разъясненія (отчасти даже и полемическаго характера) нашихъ отношеній къ западникамъ, требующимъ „примиренія“ нашихъ религіозныхъ идеаловъ съ таковыми же „идеалами Запада“, а равно и отношеній нашихъ къ римско-католикамъ (инфаллибилистамъ) и къ старо—католикамъ, заставляютъ меня выдти нѣсколько, изъ тѣсныхъ рамокъ „Краткаго изложенія“. Я считаю однако, что такія отступленія весьма полезны; они способствуютъ всестороннему пониманію, самихъ нашихъ основоположеній.

намъ приходится слушать нынѣ довольно часто, въ особенности со стороны сознательныхъ и безсознательныхъ поклонниковъ и послѣдователей Рима. Самъ папа Левъ XIII обращается къ намъ съ такими сладкими рѣчами. Совѣты эти мы слыхали не разъ; правда, слова были другія, суровыя и грозныя; произносившіе ихъ люди потрясали когда-то весь міръ своими громами; но времена перемѣнились и могучаго льва замѣнила хитрая лисица; однако, смыслъ обращенныхъ къ намъ рѣчей остался тотъ же! Что же скажемъ мы въ отвѣтъ на это обращеніе? Мы отвѣтимъ: силу и крѣпость *вашихъ исправленныхъ* цѣпей мы испробовали на себѣ самихъ; да, онѣ крѣпки; крѣпко скрутили было вы ими западную половину Россіи, и до сихъ поръ еще не залѣчены кровавые ихъ слѣды, но *мы* въ этихъ цѣпяхъ не нуждаемся, не для дѣла любви онѣ придуманы и выкованы; для нашего дѣла онѣ не пригодны! Таковъ будетъ нашъ отвѣтъ и таковъ онъ можетъ и долженъ быть. Но нѣтъ-ли въ словахъ Запада и доли истины? Да, она въ нихъ есть, къ несчастью, и мы должны ее признать! Истина эта заключается въ томъ, что дѣйствительно наша практика не сходится съ нашею теоріей, что дѣйствительно жизнь наша ей не въ версту, не соотвѣтствуетъ высотѣ и святости нашего ученія, что мы ниже, гораздо ниже своихъ идеаловъ! Недостатковъ нишихъ нечего скрывать, нечего утаивать.

Недостатки нашей церковной жизни.

Скрывать ихъ *и недостойно*, *и безполезно*; увѣряя, что у насъ все хорошо, что у насъ нечего исправлять, какъ иногда вынуждены увѣрять наши оффиціальные полемисты (и духовные, и свѣтскіе), мы можемъ только повредить дѣлу. Скрывая дурныя наши стороны, говоря неправду, или вѣрнѣе не всю правду, мы подрываемъ довѣріе и къ тому, что мы хвалимъ и отстаиваемъ заслуженно, по достоинству. Церковь, носительница безусловно истинныхъ идеаловъ, примѣняетъ ихъ къ жизни черезъ посредство слабыхъ людей; понятно, что жизнь эта не всегда соотвѣтствуетъ своему идеалу, или даже всегда ему *не* соотвѣтствуетъ, такъ какъ вообще идеалъ недостижимъ для человѣка. Но *наша* слабость, *наши* вины не распространяются на нашу церковь; и только человѣку, не вѣрящему въ ея животворную силу, можетъ придти желаніе скрывать эти временные недуги. Нѣтъ, только признавая ихъ, только смотря имъ прямо въ глаза, можемъ мы ихъ и побороть! Изо всѣхъ нашихъ затрудненій, всѣхъ нашихъ бѣдъ, у насъ есть вѣрный выходъ, который, конечно, состоитъ не въ томъ, чтобы „органически соединить наши идеалы съ идеалами Запада“, и еще менѣе въ томъ, чтобы, какъ совѣтуютъ нѣкоторые, сдѣлаться уніатами. Нѣтъ, не этими заморскими лѣкарствами излѣчимъ мы наши недуги,— лѣкарствами, которыя хуже одержащихъ насъ болѣзней. Нѣтъ, церковь наша *можетъ* найти, *должна* найти, *и*, *Богъ дастъ*, *найдетъ* въ насъ, въ себѣ самой средства для борьбы съ своими недугами! Я

говорилъ и писалъ объ этомъ не разъ. Для исцѣленія главнѣйшаго недуга нашей церкви—ея разрозненности и обособленія ея составныхъ частей, для возстановленія ея древней гармонической жизни, у насъ есть вѣрное средство—это созывъ *вселенскаго собора*. Я не могу входить въ разсмотрѣніе этого очень сложнаго и важнаго вопроса*); ограничусь лишь указаніемъ на то, что покойный патріархъ цареградскій Григорій, лицо въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно авторитетное, тоже считалъ вселенскій соборъ лучшимъ, если не единственнымъ, средствомъ устранить изъ нашей церкви элементы раздоровъ и непорядковъ (тогда въ особенности выдвигалось дѣло о „болгарской схизмѣ"). Онъ предлагалъ намъ стать во главѣ этого великаго и святаго дѣла. Мы тогда уклонились отъ него по политическимъ соображеніямъ! (Точно *что-нибудь* могло быть важнѣе). А какая великая роль выпала бы на долю нашего Царя! Онъ бы поистинѣ сталъ вторымъ Константиномъ. Я вполнѣ сознаю всѣ затрудненія, сопряженныя съ такимъ великимъ и сложнымъ дѣломъ; знаю, что встрѣтятся и политическія затрудненія... но что же все это доказываетъ? лишь одно—что къ дѣлу слѣдуетъ приступить осторожно, взвѣшивая каждое слово, обдумывая каждый шагъ, а отнюдь не то, что его слѣдуетъ сдать въ архивъ!

*) Вотъ главнѣйшіе вопросы, которые подлежали бы обсужденію всел. собора: старо-католическій, армянскій, абиссинскій, отношенія государства къ церкви въ государствахъ православныхъ и неправославныхъ, расколъ, пересмотръ собранія каноновъ и выдѣленіе изъ нихъ вѣчно обязательныхъ и временныхъ.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР

Наоборотъ, имъ слѣдуетъ заняться съ удвоеннымъ рвеніемъ и неустанно къ нему готовиться, дабы, при первой возможности, приступить къ его осуществленію. Главное—намъ слѣдуетъ понять и помнить, что для церкви внѣ соборнаго, совѣщательнаго начала нѣтъ и жизни; что тамъ, гдѣ оно оскудѣваетъ,—оскудѣваетъ и самая жизнь; тамъ, гдѣ ему ставятъ преграды,—церковь теряетъ свою духовную мощь и превращается въ административный организмъ, въ департаментъ!

Обвиненіе въ византизмѣ.

Желаніе наше возвратиться, по возможности, къ древнему, нормальному порядку вещей, когда религіозные вопросы стояли на первомъ планѣ, когда имъ и само общество и правительство посвящали столько заботъ (и когда мы не боялись „клерикализма“!), противники наши считаютъ византизмомъ и ставятъ намъ въ упрекъ. Вы „Византійцы“, говорятъ они намъ, и, притомъ, въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова. Вы не сумѣли перенять высокую классическую культуру Византіи, а взяли лишь ея дурныя стороны, вы равнодушно смотрите на „приниженность церкви“, на ея „зависимость отъ администраціи, отъ міра“ и т. п. Но справедливы-ли эти, очень тяжкія, обвиненія? Чѣмъ выражается нашъ византизмъ? Въ чемъ именно состоитъ это очень неопредѣленное обвиненіе? Если оно относится къ излишнему формализму, къ пристрастію останавливаться на буквѣ въ ущербъ идеѣ, то упрекъ этотъ менѣе кого-либо заслуживается славянофилами; наши схоластики-формалисты имен-

но и обвиняли насъ въ противномъ: въ нежеланіи придерживаться извѣстныхъ оффиціозныхъ, позволю себѣ сказать, канцелярскихъ взглядовъ и толкованій. Славянофилы никогда не преклонялись передъ оффиціальною премудростію, когда, какъ имъ казалось, она шла въ разрѣзъ съ премудростію церкви; если же обвиненіе въ византизмѣ сводится на фактъ принятія нами православной вѣры изъ Византіи, и вслѣдствіе этого *на установленіе органической связи между церковью и государствомъ*, то въ этомъ не только нѣтъ никакой бѣды, это, напротивъ, великое счастіе. Въ этомъ залогъ нашей силы и нашего величія! Мы, славянофилы, считаемъ именно прежнія, древнія отношенія между церковью и государствомъ совершенно правильными и весьма желательными; и отъ такого византизма мы, конечно, не отказываемся. Напротивъ, мы бы очень желали, чтобы вліяніе церкви на дѣла міра не превращалось въ обратное, то-есть, во вліяніе міра на церковь, мы бы очень желали, чтобы личный составъ нашего духовенства пополнялся и изъ лицъ, принадлежащихъ къ высшимъ слоямъ общества*), что несомнѣнно подняло бы

*) Въ этомъ отношеніи намъ нельзя не позавидовать римско-католикамъ (и англиканамъ): съ кардиналомъ Гогенлоэ, братомъ канцлера германской имперіи—нельзя не „церемониться“. И у насъ до „Регламента“ было то же. Съ Филаретомъ Никитичемъ тогдашнимъ „дьякамъ“ борьба была не подъ силу! Скажутъ: а Филиппъ? а Гермогенъ? Да, они пали передъ напоромъ безумствующаго міра, но міръ долженъ былъ съ ними бороться, да и погибая они стояли выше міра, и погибая они возвышали церковь!

его значеніе и придало бы ему бо́льшую самостоятельность, весьма полезную для церкви; мы бы очень желали, чтобы *всѣ* памятовали, что если мы за „*святую*“ *Русь* готовы „лечь костьми“, то эти чувства могутъ сильно измѣниться, если бы, по несчастію, „святая“ Русь, „освободившись“ отъ союза съ церковью, превратилась въ безвѣрное государство („l'état athée“, въ „ein confessionsloses Russland“), а катехизисъ Филарета былъ замѣненъ катехизисомъ Поля Бэра! По справедливому замѣчанію того же святителя Филарета, алтарь не боится паденія безъ покровительства Царскаго; Константинъ Великій, говоритъ онъ, пришелъ къ алтарю не для того, чтобы поддержать его своею мощію, а для того, чтобы своимъ величіемъ повергнуться передъ его святостью!.. Многаго мы желаемъ, и если все это „византизмъ“, то отъ такого византизма мы не отрекаемся; но, конечно, его нельзя помирить съ политико-религіозными понятіями Запада, нельзя уже потому, что въ самихъ этихъ понятіяхъ нѣтъ никакого единства, а есть, напротивъ, коренное противорѣчіе. Разсмотримъ это дѣло подробнѣе, вопросъ этотъ очень важенъ. Западники отъ насъ требуютъ, чтобы мы помирились съ западнымъ христіанствомъ, но такое требованіе совершенно невыполнимо уже и потому, что намъ не съ кѣмъ мириться, что такого христіанства, о которомъ говорятъ наши противники, вообще не существуетъ. *Западнаго* христіанства нѣтъ. Восточное христіанство есть, это—

Миръ съ западнымъ христіанствомъ.

православіе, содержащее догматы древней, вселенской семисоборной церкви; на западѣ же (кромѣ старо-католичества) есть два очень рѣзко разграниченныя христіанства; и не только разграниченныя, но и постоянно враждующія, какъ основанныя на двухъ противоположныхъ, противорѣчащихъ принципахъ: римско-католичество и протестантство; какъ же мы съ ними обоими можемъ помириться? Тутъ явное недоразумѣніе, явное недомысліе.

Очевидно, намъ должно подождать, пока они сами сначала не помирятся. Замѣчу притомъ, что *мириться* между собой разнымъ церквамъ и нельзя, онѣ могутъ не воевать другъ съ другомъ (въ смыслѣ прекращенія не-христіанскихъ преслѣдованій иновѣрцевъ), но *какъ церкви* онѣ могутъ или совершенно не признавать другъ друга (быть взаимноотлученными), или же быть въ полномъ единеніи, съ полнымъ общеніемъ таинствъ; а не въ какомъ-либо „союзѣ“, „мирѣ“ (все это полуполитическія протестантскія понятія). Третьяго, средняго пути нѣтъ! Обо всемъ этомъ наши противники очевидно не подумали. Я долженъ вообще замѣтить, что съ миролюбивыми совѣтами слѣдуетъ обращаться не къ намъ, православнымъ, а къ римско-католикамъ. Распрю начали не мы, а они; нападающая сторона не Востокъ, а Западъ; не мы идемъ завоевывать владѣнія папы,—онъ налагаетъ руку на Востокъ! Не обращайся онъ къ Востоку, оставь онъ насъ въ покоѣ—и миръ былъ бы возстановленъ!

Домогательства Запада.

Разсмотримъ дѣло поподробнѣе. Чего домогается Западъ?

Протестантизмъ не дѣлаетъ намъ никакихъ опредѣленныхъ предложеній, стало-быть, говоря о „мирѣ“ съ Западомъ, мы должны имѣть въ виду предложенія, съ которыми къ намъ обращается папа Левъ XIII (о старо-католикахъ я буду говорить впослѣдствіи).

Характеръ его обращеній къ намъ за послѣднее время совершенно измѣнился. О прежнихъ строгостяхъ нѣтъ и рѣчи; требованія папы стали *какъ-будто* гораздо умѣреннѣе, дешевле; а о любви его къ намъ нечего и говорить, она безгранична. Папа всячески старается насъ задобрить, онъ обѣщаетъ намъ сохранить за нами всѣ наши права и преимущества, всѣ обряды, онъ восхваляетъ святость и величіе нашихъ церквей, увѣряетъ, что между нимъ и нами почти что нѣтъ вѣроисповѣдныхъ разностей, что все дѣло сводится лишь къ признанію его „авторитета“, его „главенства“! Чего, кажется, скромнѣе, умѣреннѣе, вѣдь мы и прежде признавали авторитетъ папы! Но при этомъ тонкій политикъ Левъ XIII тщательно скрываетъ отъ насъ настоящую свою цѣну; онъ разсчитываетъ на наше безпечное добродушіе, надѣется, что мы забудемъ справиться объ этой *дѣйствительной* цѣнѣ, забудемъ или не сумѣемъ сообразить, что признать этотъ „авторитетъ“—значитъ *продать* нашу совѣсть и свободу, значитъ *предать* во власть непогрѣшимаго человѣка нашу вѣру и нашу нравственность, ко-

торыя до сего времени находились во власти Христовой церкви.

И откуда вдругъ взялась такая любовь къ намъ папы? Много-ли стóятъ расточаемыя намъ разнообразныя его обѣщанія? Оффиціозные органы римской куріи помогутъ намъ выяснить это дѣло; они дополняютъ то, чего не договариваетъ папа. Дѣло въ томъ, что Римъ нуждается, и *очень* нуждается въ нашей матеріальной помощи. Вотъ разгадка и учащенныхъ обращеній, и любезностей, и *внѣшнихъ, чисто-формальныхъ (въ сущности не имѣющихъ значенія) уступокъ!* Римъ думаетъ, что ему удастся убѣдить Русскаго Царя сдѣлаться новымъ Карломъ Великимъ! Позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ моей критики папской энциклики „Praeclara“, помѣщенной въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

„...Папа требуетъ отъ насъ, повидимому, очень немногаго — *признанія его главенства.* Ни наши обряды, ни обычаи, ни даже наши права не будутъ, де, умалены, измѣнены или нарушены: все останется по старому, по прежнему.

„А что же *догматы?* спросимъ мы; вѣдь разные обряды, обычаи,—все это дѣло очень неважное, все это имѣетъ значеніе лишь второстепенное, относительное! Отчего же въ энцикликѣ нѣтъ ни слова о догматахъ? Упоминается лишь всколзь о доктринѣ Востока, которая расхваливается; отчего же не разобраны ея отношенія къ доктринѣ Рима? ни о filioque, ни о непорочномъ зачатіи Пресвятой

Дѣвы, ни объ индульгенціяхъ, ни, въ особенности, о непогрѣшимости папы „ex sese“, ничего не говорится. Что это значитъ? Должны-ли мы будемъ и это все принять? Но вѣдь тогда измѣнится вся наша вѣра, ибо съ принятіемъ догмата непогрѣшимости папы измѣняется все православное ученіе, а церковь наша лишается свободы!

„И что же сулитъ намъ папа взамѣнъ всѣхъ этихъ жертвъ? Должно быть, очень много!? Да, *сулитъ* онъ, дѣйствительно, очень много! По словамъ его, церковь наша возвеличится, просвѣтится, намъ облегчится наше спасеніе, а могущество наше возрастетъ необычайно! Обѣщаній много: но гдѣ же ручательство, что папа ихъ *исполнитъ*? Гдѣ доказательства, что онъ *можетъ* исполнить все, что обѣщаетъ? *Никакихъ* обезпеченій онъ не представляетъ, да и *не можетъ представить!* Если бы мы даже захотѣли продать папѣ свою вѣру, то онъ бы не могъ уплатить намъ обѣщанной цѣны, мы были бы обмануты! Конечно, его сила еще велика, арсеналы его еще богаты, хотя средневѣковое оружіе, въ нихъ сохраняемое,—сильно заржавѣло; конечно, римско-католическая пропаганда ведется и понынѣ успѣшно, энергично и умѣло; но все же силы Рима падаютъ очевидно. Ему наносятъ постоянныя пораженія, даже тамъ, гдѣ его власть стояла еще недавно очень высоко: Италія отбираетъ у него свѣтскую власть, во Франціи Поль Бэръ изгоняетъ его изъ школы, въ Венгріи Векерле замѣщаетъ его священниковъ своими чиновниками при совершеніи

таинства брака и т. д. *). Гдѣ же, спрашивается, его могущество, гдѣ тѣ средства, которыя онъ предоставитъ намъ, и которыя придадутъ нашей церкви и силу, и блескъ, и независимость, и обезпеченіе отъ возможныхъ посягательствъ міра? Правда, онъ можетъ дать ей внѣшнее единство, въ которомъ она дѣйствительно нуждается, но и это благо, несомнѣнно великое, мы можемъ снова найти и безъ его помощи—во вселенскомъ соборѣ".

Нѣтъ, на льстивыя предложенія его святѣйшества мы не пойдемъ!

Возможность и условія возстановленія единства церкви.

Но возможно-ли примиреніе или, точнѣе, —возсоединеніе, между Востокомъ и Западомъ, составляющее драгоцѣннѣйшую мечту всѣхъ истинно-вѣрующихъ людей? Возможно-ли возстановить религіозное единство, разрушенное тысячу лѣтъ тому назадъ и въ настоящее время столь необходимое для всего человѣчества? *Несомнѣнно!*

Вотъ тутъ и открывается широкое поле для нашего великаго, святаго мессіанизма на западѣ! Но не превышаетъ-ли такая громадная задача нашихъ слабыхъ силъ, можемъ-ли мы подѣйствовать на Западъ, который и богаче, и культурнѣе, и благоустроеннѣе насъ, который привыкъ смотрѣть на насъ свысока? Да, несомнѣнно можемъ! несомнѣнно, по-

*) Нечего, надѣюсь, разъяснять и доказывать, что мы, славянофилы, отнюдь не сторонники реформъ Поля Бэра, съ его гражданскимъ катехизисомъ, венгерскаго министра Векерле, съ его гражданскимъ „бракомъ", и т. п.

тому, что мы обладаемъ *полнотою* той истины, которая раздробилась въ его рукахъ и которая поэтому все болѣе и болѣе теряетъ свою силу, свое благотворное вліяніе!

Человѣкъ не можетъ обходиться безъ религіи, безъ живой связи*) съ Творцомъ; отнимите у него истинную вѣру, онъ придумаетъ ложную (примѣръ—Августъ Контъ); отнимите у него Бога—онъ создастъ себѣ кумира! Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, *потребность* подняться, „прогрессировать", стремиться къ безусловной истинѣ—въ немъ остается! Божественная искра въ немъ вѣчно живетъ и тлѣетъ! Поэтому и потребность религіи въ немъ никогда не угасаетъ; но *религіи истинной*, т. е. такой, которая поддерживаетъ его стремленіе къ добру, даетъ ему *авторитетныя*, непререкаемыя указанія для рѣшенія его сомнѣній, помогаетъ ему подниматься послѣ паденій, но которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, развиваетъ въ немъ чувство самостоятельности, прирожденное человѣку *чувство свободы*, свободы которая составляетъ необходимое условіе его нравственнаго развитія, безъ которой онъ перестаетъ быть существомъ благороднымъ, *человѣкомъ*.

Этотъ же законъ вѣренъ и для цѣлыхъ народовъ, вѣренъ для всего человѣчества.

Нормальное, правильное соединеніе авторитета и свободы встрѣчается только въ христіанской религіи, и, въ безусловно вѣрномъ, должномъ соот-

*) Religio, отъ „religare"—связывать.

ношеніи, лишь въ православіи. Въ религіи римско-католической, вслѣдствіе отдѣленія Запада отъ Востока и потери необходимаго противовѣса, неправильно *развился принципъ авторитета, власти, въ ущербъ свободѣ* (что и повело къ кощунственному догмату личной непогрѣшимости папы); въ религіяхъ протестантскихъ произошло явленіе противоположное—въ *нихъ неправильно и въ ущербъ авторитету развился принципъ свободы*. Въ римскомъ католицизмѣ вся власть, весь авторитетъ въ рукахъ папы, свободенъ онъ одинъ; въ религіяхъ протестантскихъ *свободны безусловно и безусловно авторитетны*—всѣ. Въ обоихъ случаяхъ церковь подавлена, ея *нѣтъ*; органическая и дѣйственная, живая связь между Богомъ и человѣкомъ разорвана.

Ясно, что такое положеніе дѣлъ не можетъ удовлетворить человѣка, стремящагося къ религіозной истинѣ; мы и видимъ, что на Западѣ религіозное чувство извращается и падаетъ; но безъ религіи ни человѣкъ, ни народъ существовать не могутъ: они должны искать, *и ищутъ* исхода своимъ сомнѣніямъ и стремленіямъ. Такъ и Западъ снова старается овладѣть той истиной, которой онъ несомнѣнно владѣлъ тысячу лѣтъ тому назадъ, которой онъ обладалъ въ той же самой степени и мѣрѣ, какъ и Востокъ, и тутъ, повторяю, и открывается намъ широкое поле для нашей мессіанической дѣятельности!

Мы можемъ и должны помочь западному хри-

стіанству *снова сдѣлаться православнымъ, а затѣмъ и возсоединиться съ нами.* Это — великое и святое дѣло, достойное нашего вѣрующаго народа и нашей святой церкви; не понимать, не видѣть этого могутъ только тѣ, которые не понимаютъ ясно живыхъ, созидательныхъ силъ православія, его великаго значенія, его святаго призванія.

Условія примиренія.

Какимъ же путемъ можемъ мы достигнуть примиренія, соглашенія, а затѣмъ и *соединенія* съ Западомъ?—лишь тѣмъ, которымъ вообще доходятъ до окончанія всякаго спора—прибѣгнувъ къ высшей истинѣ, въ которой находится разрѣшеніе противорѣчій. Въ данномъ случаѣ эта высшая истина, которую не могутъ не признать обѣ стороны,—есть *догматическое ученіе древней нераздѣленной церкви первыхъ восьми столѣтій*, т. е. именно то древнее ученіе, которое исповѣдуемъ мы, православные христіане! Принципіально вопросъ разрѣшается повидимому довольно легко; къ сожалѣнію, на практикѣ онъ является гораздо болѣе сложнымъ, потому, что нѣкоторые богословы приписываютъ догматическое значеніе такимъ постановленіямъ вселенскихъ соборовъ, которыя имѣютъ значеніе лишь временное, обусловленное извѣстными историческими условіями, нынѣ уже несуществующими; а другіе склонны приписывать нѣкоторымъ позднѣйшимъ постановленіямъ помѣстныхъ церквей значеніе постановленій церкви вселенской, распространяя самопроизвольно обѣщаніе Христа *о непогрѣшимости всей Его церкви* на отдѣльныя ея

части, т. е. на церкви помѣстныя. Нужно замѣтить еще, что и самое возсоединеніе понимается многими не всегда одинаково и не всегда правильно. Дѣло идетъ не о присоединеніи извѣстнаго числа западныхъ христіанъ къ одной изъ православныхъ церквей, а о другомъ; а именно: о возстановленіи автокефальной православной церкви Запада, бывшей равноправной сестры нашихъ православныхъ восточныхъ церквей. Начало такому благому дѣлу и положено на западѣ старо-католиками, отдѣлившимися отъ „непогрѣшимаго“ папы и, съ самаго начала своего возникновенія (1871 года), высказавшими желаніе возсоединиться съ Востокомъ путемъ возвращенія къ догмату древней нераздѣленной церкви. Съ тѣхъ поръ они постоянно къ намъ приближаются, и несомнѣнно, что рано или поздно мы съ ними встрѣтимся. Я не могу, конечно, входить въ разсмотрѣніе старо-католическаго ученія; ограничусь лишь слѣдующимъ: при сравненіи этого ученія съ требованіями, которыя ставятся нашей церковью римско-католикамъ, присоединяемымъ къ православію, оказывается, что старо-католикамъ, если бы дѣло шло объ ихъ присоединеніи къ православію, не отъ чего бы было и отрекаться! Они давно уже отказались отъ римскихъ ересей.

Конечно, будущность—въ рукѣ Божіей, но несомнѣнно, что старо-католицизмъ указываетъ путь нашему мессіанизму на западѣ. Точно такъ, какъ мы возсоединимъ съ собою расколъ посредствомъ единовѣрія, такъ же точно православный Востокъ

возсоединится съ возрожденнымъ Западомъ путемъ старо-католицизма.

Самодержавіе. Перехожу къ слѣдующему пункту нашей славянофильской формулы и нашего спора съ западофилами—къ *самодержавію*. И къ этой части нашей формулы наши противники относятся точно такъ же, какъ и къ первой; они видятъ въ нашемъ пониманіи самодержавія какой-то „византизмъ“ и считаютъ необходимымъ *исправить* его въ смыслѣ теорій Запада, согласовать его съ ними. Они утверждаютъ, что и въ этомъ отношеніи (какъ и въ отношеніи нашей вѣры) у насъ не можетъ быть никакого успѣшнаго мессіанизма среди западныхъ народовъ, что наше славянофильское самодержавіе наложило на насъ трудноизгладимую печать рабства и т. п. Посмотримъ, такъ-ли это на самомъ дѣлѣ. Мы, учатъ западники, заняли у Византіи не только наши идеи религіозныя, но и идеи политическія, мы, представители косности, живемъ идеалами до-петровской, варварской, мужицкой „византійской Руси“. Эти идеалы не либеральны, не прогрессивны, безплодны, не имѣютъ будущности; мы должны помирить съ ихъ идеалами Запада.

Византійскія вліянія. Что Византія имѣла вліяніе на нашу до-петровскую государственность, преимущественно относительно внѣшнихъ формъ, это вѣрно и совершенно понятно; несомнѣнно и вліяніе ея на установленіе отношеній между государствомъ и церковью, но при оцѣнкѣ этого вліянія не должно забывать

одного очень важнаго обстоятельства: въ нашей до-петровской государственной организаціи былъ одинъ факторъ совершенно неизвѣстный Византіи— именно *земскій соборъ*. Византійскій императоръ совѣщался съ сенатомъ и своимъ совѣтомъ, но ни тотъ, ни другой не имѣли, какъ извѣстно, ни малѣйшаго сходства съ нашимъ соборомъ, вызваннымъ къ жизни мудростью нашихъ царей московскаго періода. Въ этомъ громадная разница. До-петровское самодержавіе было освѣщаемо „совѣтомъ народа", освѣщаемо сильно и постоянно. Нужды нѣтъ, что народъ этотъ иногда представлялся лишь жителями Москвы и ея окрестностей, вѣдь дѣло шло не о томъ, чтобы организовать стройное и полное парламентарное *представительство всего народа, всѣхъ гражданъ*, а о томъ, чтобы поставить самодержавіе *въ непосредственное соприкосновеніе, въ общеніе съ народною мыслью*; земскіе соборы бывали весьма различны—и по составу, и по вопросамъ, по которымъ имъ приходилось высказываться, по которымъ верховная власть требовала отъ нихъ совѣта, но они были несомнѣнною, крѣпкою связью между царемъ и народомъ,—связью, придававшею правительству необыкновенную устойчивость, послѣдовательность и крѣпость. Никакихъ недоумѣній и сомнѣній въ правительственной мысли не было, никакихъ постороннихъ вліяній не было и быть не могло (какъ въ позднѣйшія времена), никакіе Бироны, Меттернихи, M-mes Krüdner и т. п. не могли тогда и существовать, не

только имѣть вліяніе! Ошибки могли быть и, конечно, бывали, но лишь въ выборѣ средствъ, а не въ опредѣленіи цѣли. Цѣль была ясна для допетровскаго правительства. Никакихъ шатаній изъ стороны въ сторону не было и быть не могло, именно благодаря тому, что правительство и народъ составляли одно *цѣлое*, *крѣпкое* и *однородное*. Государственный корабль, хоть и неуклюжій и неудобный, плывшій медленно, шелъ вѣрно и съ пути не сбивался!

Въ вопросѣ о самодержавіи мнѣнія западниковъ и славянофиловъ расходятся, можетъ быть, еще болѣе, нежели въ вопросѣ религіозномъ. Постараюсь сначала установить основанія спора, а затѣмъ объясню, почему мы, славянофилы, не довѣряемъ западному парламентаризму.

Три формулы самодержавія.

Самодержавіе бываетъ трехъ типовъ: 1) Самодержавіе типа бюрократическаго (der Polizeistaat), съ формулой—„L'Etat—c'est moi" 2) Самодержавіе типа славянофильскаго, съ формулой — „много умовъ и одна воля" и 3) Самодержавіе типа западническаго, съ формулою „много умовъ и много воль" (современный парламентаризмъ разныхъ видовъ и степеней). (Средне-азіатское ханство я, конечно, не признаю типомъ самодержавія).

По причинамъ, изложеннымъ выше *), я не буду останавливаться на разсмотрѣніи формулы Людовика XIV и ограничусь разсмотрѣніемъ формулъ

*) Неустойчивость типа и ненаучность формулы.

славянофильской и западнической (парламентарно-конституціонной). Западники отвергаютъ вѣрность моей формулировки; они говорятъ:

I. Если рѣшеніе собирательнаго ума (то-есть, много умовъ) для „единой воли“ не *обязательно*, то не стоитъ къ нему и обращаться, понапрасну подвергая „волю“ суду и пересудамъ собирательнаго всеобщаго ума (многихъ умовъ).

II. Если же рѣшеніе это *обязательно* для воли, то и конституціоналисты (западники) могутъ согласиться съ этою формулой: такимъ образомъ она становится уже не славянофильскою, а западофильскою.

Вѣрно! поэтому-то мы, славянофилы, и отвергаемъ эту обязательность.

III. Наконецъ, говорятъ наши противники, самая формула парламентаризма представлена невѣрно: Формула „много воль и много умовъ“ могла бы быть усвоена и любою анархистскою вольницей. Нѣтъ, отвѣчу я, формула парламентаризма представлена вѣрно, а что она годится и для анархизма, то съ этимъ я согласенъ, ибо *парламентъ, камеры, не что иное, какъ „пропилеи“ анархическаго государства*. Обратимся теперь къ оцѣнкѣ этихъ формулъ и типовъ.

Оцѣнка формулъ и типовъ.

Итакъ, передъ нами двѣ формулы и два типа государственнаго устройства: славянофильское самодержавіе и западофильское народодержавіе (парла-

ментаризмъ). Мы должны ихъ сравнить; но прежде всего я долженъ отклонить одно обвиненіе, которое нерѣдко направляется противъ государства славянофильскаго типа. Оно состоитъ въ отождествленіи этого государства съ азіатскимъ ханствомъ. Разсуждаютъ при этомъ очень просто: ни въ вашемъ славянофильскомъ государствѣ, ни въ чингисхановскомъ—парламента нѣтъ, народнаго представительства нѣтъ, стало быть,—они одинаковы! Это, правда, очень просто, но и очень невѣрно. Между нашимъ государствомъ и ханствомъ та основная разница, что одно—православное, а другое—языческое или мусульманское. Дѣйствительно, ни въ томъ, ни въ другомъ нѣтъ парламента, верховная власть не связана никакимъ двустороннимъ договоромъ съ народомъ; но, повторяю, разница между ними принципіальная,—именно та, что ханъ не связанъ *ничѣмъ*, что въ основаніи его дѣйствій лежитъ лишь *одинъ полнѣйшій произволъ*, а въ государствѣ славянофильскомъ царь связанъ нравственно своею совѣстью и, какъ христіанскій государь, царствующій надъ христіанскимъ народомъ, отвѣтственъ передъ Богомъ и церковью.

Возможность ошибокъ.

Въ чемъ же собственно обвиняется самодержавіе славянофильскаго типа? Въ томъ, отвѣчаютъ западники, что оно „не гарантируетъ“ народа ни отъ *слѣпоты* монарха, ни отъ его *злой воли!* Государь можетъ быть разъединенъ съ своимъ народомъ, онъ можетъ не знать и не видѣть того, что дѣлается съ его народомъ и дѣлается, притомъ,—его же

именемъ. Вѣрно! ему, по словамъ Фихте,*) зачастую преподносится спеціально для него *изготовленная* (verfertigte) истина. Онъ можетъ быть отдѣленъ отъ своего народа непроницаемымъ *для обоихъ* частоколомъ своекорыстныхъ или ограниченныхъ временщиковъ. Да, вѣрно и это!

Ихъ исправленіе.

Дѣйствительно, все это не только возможно, но и бываетъ; несомнѣнно, однако, что, по мѣрѣ улучшенія, облегченія непосредственныхъ сношеній Царя съ народомъ, возможность этой „слѣпоты“ постоянно уменьшается. Остается „злая воля“. И она, конечно, возможна, но можно-ли сомнѣваться въ томъ, что и она становится все менѣе и менѣе вѣроятною? Вѣдь зла никто сознательно не желаетъ; большею частію зло дѣлаютъ по недомыслію, по ошибкѣ, или вслѣдствіе сообщенія невѣрныхъ свѣдѣній, такъ что и въ этомъ случаѣ вопросъ сводится къ незнанію фактовъ, къ той же „слѣпотѣ“. Что же касается до увлеченія партійной борьбой, до желанія сломить противника, отомстить ему, желанія достигнуть какихъ-нибудь личныхъ, своекорыстныхъ цѣлей и т. п.,—то вѣдь эти искушенія существуютъ для частныхъ лицъ, для самодержца же, стоящаго внѣ и выше партій, этихъ искушеній не существуетъ. Во всякомъ случаѣ и эта опасность становится все менѣе и менѣе возможною. Спорить объ этомъ теоретически почти нельзя; но посмотримъ на факты, возьмемъ для

*) Beiträge zur Beurtheilung der Revolution.

примѣра насъ самихъ—Россію; за послѣдніе три столѣтія что мы видимъ? Въ настоящую минуту у насъ, de jure, точно такое же неограниченное самодержавіе, какъ и при Іоаннѣ Грозномъ. Права Верховной Власти столь же полны, какъ и прежде, однако же никто не станетъ увѣрять серьезно, что и de facto мы въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Никакой пессимистъ не рѣшится утверждать, что все ужасное и дурное, происходившее не только при Грозномъ, не только при Петрѣ Великомъ или Аннѣ Ивановнѣ или Биронѣ, но и при Павлѣ Петровичѣ, возможно и теперь? Конечно, нѣтъ; все это теперь невозможно и немыслимо; но почему? Не потому, что Государь связанъ какою-либо конституціей, какимъ-нибудь договоромъ, а потому, что онъ находится въ такой нравственной атмосферѣ и такой культурной средѣ, гдѣ онъ не можетъ желать ничего такого, что могло быть еще при Биронѣ или даже при Аракчеевѣ; не можетъ и потому, что теперь и сами не только Малюты Скуратовы или Бироны, но и Аракчеевы невозможны; что теперь ихъ не сыщешь, ежели бы кто-нибудь и захотѣлъ ихъ разыскать. Типъ временщика исчезаетъ (исчезъ, къ сожалѣнію, и типъ „вельможи-мецената“).

Нельзя не видѣть, не признавать въ этомъ отношеніи не малой перемѣны къ лучшему, совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было бумажныхъ гарантій, которымъ приписывается какое-то чудодѣйственное вліяніе.

Несомнѣнно, что мы по той же дорогѣ можемъ идти и далѣе, не прибѣгая ни къ какимъ договорамъ. При дряблости общества, при низкомъ нравственномъ его уровнѣ, никакая конституція, никакой договоръ не помогутъ, не уберегутъ его отъ посягательствъ на его свободу и права; а если оно сильно, нравственно, если его гражданскій уровень высокъ, если оно понимаетъ значеніе *долга*, оно обойдется и безъ всякихъ договоровъ. Гораціево: „Quid leges sine moribus!“ останется вѣчно истиннымъ. Никакихъ бумажныхъ конституцій намъ не нужно! *Въ насъ, въ насъ самихъ должна быть конституція*; *и этой* конституціи у насъ никто не отниметъ, и только она и надежна.

Тщетность конституціонныхъ гарантій.

Вотъ причины, почему мы стоимъ крѣпко и убѣжденно за нашу формулу высшей, единой воли, ни отъ кого не зависимой и ни передъ кѣмъ не отвѣтственной, кромѣ своей совѣсти и Бога! При вступленіи на прародительскій престолъ Государи наши никакихъ обязательствъ ни передъ какими камерами не принимаютъ, никакихъ документовъ на себя не выдаютъ и никакихъ конституцій не подписываютъ. Но при вѣнчаніи ихъ на царство происходитъ нѣчто болѣе серьезное. И нашъ Государь принимаетъ извѣстныя и притомъ весьма важныя и строгія обязательства. По чину вѣнчанія московскій митрополитъ, прежде нежели передастъ Государю царскій вѣнецъ, спрашиваетъ его: „како вѣруеши?“; на это вѣнчаемый отвѣчаетъ

Обязательства Царя передъ церковью и совѣстью.

произнесеніемъ православнаго символа вѣры, послѣ чего и получаетъ изъ рукъ святителя вѣнецъ, который возлагаетъ себѣ на главу. *Обрядъ этотъ имѣетъ глубокое, великое значеніе.* Онъ знаменуетъ неразрывную, органическую связь государства съ церковью, связь, которая превращаетъ „Государство Россійское“ въ „Святую Русь“ и которая вмѣстѣ съ симъ даетъ этому государству *этическое* основаніе, чѣмъ оно принципіально отличается отъ государства западнаго, парламентарно-договорнаго, имѣющаго основаніе *юридическое.*

„Верховная воля“ должна, по нашей формулѣ, быть *точно* и *подробно* освѣдомлена о томъ, что думаютъ „умы“. Какія же имѣются для сего средства, какіе пути? Всѣ пути, ведущіе къ цѣли, хороши; въ какой *формѣ* выразится общеніе между Царемъ и подданными—безразлично. Главное дѣло не въ томъ, какъ собрать и куда посадить представителей „умовъ“, въ земскій-ли соборъ московскаго образца, въ Екатерининскую-ли коммиссію 1767 года, въ редакціонныя-ли коммиссіи Александра II или въ какія-либо вновь придуманныя постоянныя или временныя учрежденія,—это довольно безразлично; важно то, чтобы въ учрежденія эти попали „настоящіе“ люди, которые громко, смѣло, честно, откровенно *и нежстиво* высказывали бы то, что они призваны высказывать; не менѣе важно, чтобъ ихъ голосъ доходилъ непосредственно и въ цѣлости до подножія престола.

Наши противники, пронизируя надъ собраніемъ

людей, съ которыми пожелало бы совѣтоваться правительство при условіи, что оно можетъ и не послѣдовать данному совѣту, говорятъ, что изъ этого „интимнаго раута“, на который имѣютъ быть приглашены правительство и народъ для обоюднаго знакомства, не выйдетъ ничего путнаго; мнѣ кажется, однако, что роль правительства на такомъ „раутѣ“ будетъ лучше и полезнѣе роли конституціоннаго монарха, ожидающаго въ швейцарской парламента, „чѣмъ рѣшать вопросъ господа члены большинства!“

Истинныя гарантіи преуспѣянія.

Повторяю: не въ конституціи дѣло; не нужна она намъ! Мы вѣримъ въ наши собственныя силы, въ нашу нравственную, внутреннюю крѣпость. Въ этомъ, и только въ этомъ—залогъ будущаго преуспѣянія нашего дорогаго отечества: сильное, вѣрное своимъ идеаламъ, общество не нуждается ни въ какихъ хартіяхъ и укладахъ. Будемъ заботиться объ укрѣпленіи и развитіи нашего характера, будемъ гражданами! Повторяю—мы въ этомъ отношеніи несомнѣнно идемъ впередъ. Наши спины гнутся уже гораздо менѣе, нежели два-три поколѣнія тому назадъ,—*а у многихъ и совсѣмъ не гнутся!* Итакъ, будемъ идти впередъ по старому пути, стойко и неуклонно, не „фрондируя“ подѣтски, но и не низкопоклонничая по-лакейски.

Реформа Петра Великаго.

Прежде нежели перейти къ разсмотрѣнію государства парламентарнаго, я позволю себѣ остановиться на государственной реформѣ Петра Ве-

ликаго, о которой такъ много говорятъ западники. Наши противники совершенно правы, обвиняя насъ въ томъ, что мы жалѣемъ объ утратѣ многаго изъ того, что́ было достояніемъ до-петровской эпохи, и относимся враждебно къ введенному имъ у насъ государству западнаго типа; но они обыкновенно впадаютъ въ ошибку, указывая на Петра Великаго, какъ на носителя *западныхъ* и *либеральныхъ* принциповъ; тутъ явное недоразумѣніе. Петръ Великій былъ дѣйствительно представителемъ между нами западной жизни, но либеральнаго въ немъ не было ничего. Это былъ типъ страстнаго, благонамѣреннаго, геніальнаго деспота. Въ основанномъ имъ новомъ государствѣ бюрократическаго типа, представлявшемъ многія *техническія* преимущества сравнительно съ тѣмъ, которое онъ унаслѣдовалъ и сломалъ, было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *менѣе* свободы, нежели въ „московскомъ“. Несомнѣнно, на прим., что церковь въ до-петровскомъ государствѣ была свободнѣе и гораздо вліятельнѣе, нежели при Петрѣ и послѣ Петра; что голосъ управляемыхъ могъ доходить и дѣйствительно доходилъ до Царя лучше и чаще, нежели впослѣдствіи; несомнѣнно, что и организація прихода до-петровскаго періода была крѣпче, свободнѣе и несравненно лучше. До-петровскій приходъ представлялъ ту первоначальную ячейку нашей государственной жизни, которую мы тщетно разыскиваемъ и до сего времени. Считаю, однако, необходимымъ оговориться. Хотя Петръ Великій и долженъ несомнѣнно считаться

творцомъ нашего бюрократическаго, административнаго государства, его нельзя сдѣлать отвѣтственнымъ за его дальнѣйшее развитіе. При Петрѣ многое было обставлено гораздо лучше, нежели при его наслѣдникахъ—даже самый Св. Синодъ.

Несостоятельность, неустойчивость бюрократическаго государства выяснена исторіей съ достаточною очевидностью. Правда, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, оно можетъ достигнуть блистательныхъ результатовъ, но лишь временно. Оно окружено всевозможными опасностями: главнѣйшая изъ нихъ состоитъ въ томъ, что представители и слуги Верховной власти обыкновенно отождествляютъ себя съ этою властію. Гордыя слова Людовика XIV „l'Etat—e'est moi“ (государство—это я!) еще могутъ находить нѣкоторое оправданіе въ величіи Короля-Солнца; но хорошо-ли было бы, если бы ихъ вздумалъ повторять, на примѣръ, становой? Нѣчто подобное можетъ происходить и въ сферѣ церковной жизни: подобно Людовику, говорящему „государство—это я!“ и папа Пій IX говоритъ „церковь—это я!“ la chiesa son io, но что будетъ, если и консисторскій чиновникъ вздумаетъ повторять „la chiesa son io“?

Исторія доказываетъ несомнѣнно и неоспоримо, что государство „бюрократическаго типа“ неудержимо, фатально склоняется къ измѣненію, къ принятію другаго типа; оно переходитъ въ типъ парламентарный; *такъ было во всей западной Европѣ*, но оно можетъ, и даже весьма легко, пе-

рейти въ государство типа славянофильскаго. (Въ 60-хъ годахъ эволюцію перваго рода пророчили и Россіи, ожидали, что и она, неизвѣстно съ какой стати, должна превратиться въ парламентарное государство).

Парламентаризмъ и его эволюція.

Къ парламентарному государству мы, славянофилы, не питаемъ ни малѣйшаго довѣрія. Недовѣріе это такъ велико, что мы скорѣе согласимся имѣть дѣло съ какими-нибудь Аракчеевыми, которые вѣдь не вѣчны, нежели съ парламентарными дѣльцами современнаго типа, (впослѣдствіи постараюсь представить причины); теперь же посмотримъ, дѣйствительно-ли мы виноваты въ несправедливости или хотя бы въ преувеличеніи, утверждая, что парламентарная форма правленія можетъ быть выражена словами: „много умовъ и много воль“? Замѣчаніе, что подъ такою формулой можетъ подписаться любая „анархическая вольница“, совершенно вѣрно; я даже скажу болѣе: современная анархическая вольница такъ и поступаетъ,—она подъ нею и подписывается. Говорю о тѣхъ представителяхъ ея, которые подальновиднѣе, поумнѣе. Умные анархисты вполнѣ принимаютъ всѣ блага парламентарнаго „режима“, ведущаго ихъ законнымъ путемъ именно къ тѣмъ результатамъ, къ тому положенію, къ которому они стремились до сихъ поръ путемъ насилія; они начинаютъ понимать, что, оставаясь на пути строго-законнаго развитія парламентаризма, они несомнѣнно сдѣлаются фактическими *и законными* обладателями парламента, который я поэто-

му и называю преддверіемъ соціалистическаго государства. *) „Любая вольница“ начинаетъ понимать, что черезъ одно, много—два поколѣнія парламентское большинство будетъ принадлежать ей, и никому другому! **) Поэтому анархисты теперь и начинаютъ отказываться отъ путей насилія.

Объ анархистахъ и анархизмѣ вообще имѣютъ и до сего времени довольно неточное понятіе. Типъ анархистовъ Равашолей, Рысаковыхъ, Желябовыхъ, Казеріо, вообще типъ анархистовъ - убійцъ, строителей баррикадъ и устроителей взрывовъ, начинаетъ измѣняться и заслоняться другимъ, гораздо болѣе опаснымъ. Самое имя „анархистовъ“ не соотвѣтствуетъ уже желаніямъ современнаго „анархизма“. Вопреки этимологическому значенію своего прозвища, они желаютъ, правда, уничтоженія настоящаго государства, они не признаютъ ника-

---

*) Въ моихъ выводахъ и разсужденіяхъ я не отдѣляю соціалъ-демократовъ отъ анархистовъ. Конечно, между программами этихъ партій существуетъ большая разница, и, на прим., еще очень недавно вожаки соціалъ-демократовъ въ германскомъ парламентѣ торжественно отказывались отъ отождествленія соціалъ-демократизма съ анархизмомъ; но — „свой своему поневолѣ— братъ“, обѣ партіи законныя дочери парламентаризма, и мы уже видимъ ихъ сближеніе. Такъ, на недавнемъ международномъ конгрессѣ соціалъ-демократовъ въ Лондонѣ предложеніе допустить на конгрессъ представителей анархизма было отклонено лишь слабымъ большинствомъ (5/4), и то по оппортунистическимъ соображеніямъ!

**) Даже въ высоко-культурной Германіи, и даже въ строго-консервативной Англіи (ссылаюсь на „Merrie England“ талантливаго Блэчфорда (Nunquam).

кой изъ существующихъ нынѣ государственныхъ формъ, но они отнюдь не желаютъ уничтоженія всякой **архіи**; они хорошо понимаютъ, что вообще безъ государства, безъ правительства обойтись нельзя; и они не только не думаютъ отказываться отъ идеи государства, но имѣютъ въ виду государство очень строгихъ и опредѣленныхъ очертаній; оно будетъ очень своеобразно и съ очень сильнымъ правительствомъ. Современный боевой кличъ анархизма—Ni Dieu, ni Maître (ни Бога, ни власти) имѣетъ лишь временное значеніе. Эта формула лишь на половину соотвѣтствуетъ конечнымъ цѣлямъ анархизма. Богъ, дѣйствительно, „упраздняется" (то-есть, упраздняется изъ будущаго государства *этическій*, *религіозный элементъ*), но Maître, господинъ, власть, и притомъ страшно сильная, остается въ полной неприкосновенности. Элементъ *юридическій*, *право, нашедшее свой окончательный критерій во мнѣніи большинства*, не только не устраняется изъ будущей организаціи общества, но, напротивъ, расширяется до послѣднихъ предѣловъ; представитель его, парламентское большинство, превращается въ очень сильнаго господина, владыку, которому, конечно, не чета современный западный владыка, жалкій ставленикъ буржуазіи, президентъ или конституціонный король! Владыкой этимъ будетъ парламентское большинство, вооруженное правомъ и картечью, ничѣмъ не ограниченное, распространяющее свое вліяніе на всѣ сферы жизни государственной, экономической и семейной. Наивны тѣ,

которые думаютъ, что дѣло идетъ о какихъ-нибудь расширенныхъ избирательныхъ правахъ, о какихъ-нибудь уменьшенныхъ прямыхъ или увеличенныхъ косвенныхъ налогахъ; съ этимъ можно бы и помириться (въ нѣкоторыхъ случаяхъ и *должно* помириться); нѣтъ, тутъ идетъ дѣло о гораздо важнѣйшемъ и большемъ, о полной замѣнѣ принципа *этическаго* принципомъ *юридическимъ*, какъ опредѣляющимъ жизнь западнаго государства. Въ этомъ, и исключительно въ этомъ, все дѣло, весь вопросъ. Не видятъ или не понимаютъ его значенія и объема тѣ, которые восхваляютъ „правовой порядокъ“ для излѣченія насъ отъ нашихъ недуговъ!

Этическій элементъ, заслоняемый на западѣ элементомъ юридическимъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія, въ лицѣ Томазія, юридическая наука разорвала окончательно всякую связь съ богословіемъ; нынѣшніе ея представители разрываютъ всякую связь съ этикой, объясняя, что они могутъ безъ нея обойтись, безъ нея устроить общество и государство. Конечно, теоретически, право и этика относятся къ различнымъ сферамъ жизни человѣка, но на практикѣ онѣ такъ переплетены, что раздѣлить ихъ невозможно; жизнь государственная и жизнь частная другъ-друга проникаютъ и обусловливаютъ, и новѣйшіе юристы, желающіе устроиться на одномъ правѣ, безъ этики, прямо ведутъ его въ пасть анархизма, то-есть, узаконеннаго безправія, въ татарское ханство съ ханомъ—большинствомъ во главѣ.

Пока этого не поймутъ, пока не переведутъ борьбу съ анархизмомъ (и нигилизмомъ) на почву

этики, пока не перестанутъ думать, что его можно побѣдить на почвѣ чистаго права, или (что́ еще наивнѣе), что его можно устранить съ помощью экономическихъ и полицейскихъ мѣръ, до тѣхъ поръ *онъ будетъ побѣждать*; ибо насколько онъ слабъ на почвѣ этики, настолько онъ силенъ *на всѣхъ остальныхъ* (говорю о Западѣ, то-есть, о всѣхъ тѣхъ государствахъ, которыя разорвали связь съ церковью). Церковь—представитель начала *этическаго*, *нравственнаго*; современное западное государство—представитель начала *юридическаго*, находящаго свое полное и законное выраженіе во мнѣніи большинства; мнѣніе, желаніе этого большинства есть α и ω *всего* и никакого другаго критерія, кромѣ счета голосовъ, въ западномъ государствѣ нѣтъ и быть не можетъ!

Ближайшая будущность анархизма.

Увѣренные въ своей побѣдѣ, анархисты и принимаютъ борьбу на почвѣ парламентаризма, и тутъ, несомнѣнно, ихъ ожидаетъ успѣхъ. Вѣдь имъ сто́итъ лишь добиться большинства или хотя бы такого положенія, которое занимаетъ теперь партія центра въ Германіи, и дѣло ихъ выиграно, а что они этого добьются, и даже скоро, это не подлежитъ сомнѣнію, потому что центръ тяжести въ парламентѣ несомнѣнно и неудержимо передвигается влѣво, въ ихъ сторону, *принципіальныхъ* же аргументовъ у противниковъ анархизма, стоящихъ на почвѣ парламентаризма, не имѣется (на соображеніяхъ оппортунистическихъ долго не удержишься); принципъ договорно-юридическій, который лежитъ

въ основаніи современнаго западнаго государства, *несомнѣнно и фатально* приведетъ путемъ миролюбивой, законной революціи къ соціалистическому государству типа ni Dieu, ni Maître! потому, повторяю, что таково будетъ желаніе большинства, а желаніе большинства по западной формулѣ—законъ! Не нужно быть пророкомъ, чтобы видѣть постепенное разложеніе стараго парламентаризма. Для человѣка, жившаго заграницей, наблюдавшаго жизнь Запада,—это фактъ, не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію; парламентаризмъ разлагается именно въ указанномъ направленіи, то-есть, дѣлаясь все болѣе и болѣе исключительно *правовымъ*, и притомъ въ смыслѣ права—*какъ выраженія мнѣнія большинства*. Всякій законъ, одобренный большинствомъ парламента, дѣлается уже священнымъ, облекается такимъ же безусловнымъ авторитетомъ, какъ любое желаніе татарскаго хана или любое мнѣніе папы послѣ Ватиканскаго Собора: онъ дѣлается непогрѣшимымъ, и по той же причинѣ,—потому, что мнѣнію или желанію большинства не существуетъ противовѣса, какъ не существуетъ противовѣса и желанію хана или папы! Это выраженіе воли народа; онъ находитъ, что въ этомъ его выгода, его salus: а „salus reipublicae—summa lex“! Но при этомъ происходитъ нѣчто очень знаменательное: большинство постепенно теряетъ свое прежнее значеніе представителя какого-либо принципа (на прим., либерализма или консерватизма). Современный парламентъ уже не заботится о какихъ-либо общихъ,

принципіальныхъ идеяхъ, на прим., равенства, свободы... онъ не задается рѣшеніемъ общихъ, теоретическихъ вопросовъ; онъ съузилъ и принизилъ, оматеріализовалъ свои задачи. Современный избиратель—по преимуществу человѣкъ практики, дѣлецъ; ему не до братства народовъ, не до свободы и равенства, ему нуженъ такой порядокъ, такое правительство, при которомъ онъ можетъ подороже продать свой картофель или свои фабрикаты, такое правительство, которое обяжется не облагать пива и т. п. Ясно, что всѣ эти партіи, принимающія все болѣе и болѣе характеръ промышленныхъ торговыхъ союзовъ, будутъ избирать и посылать въ парламентъ не *лучшихъ* людей, не *самыхъ добродѣтельныхъ*, *безкорыстныхъ* и т. п., а напротивъ, самыхъ ловкихъ, умѣлыхъ, разныхъ изворотливыхъ адвокатовъ, способныхъ защитить и выиграть ихъ дѣло въ парламентѣ, къ какимъ бы средствамъ они для этого ни прибѣгали! Смѣю думать, что съ этимъ согласятся и наши противники. Если у кого-либо изъ нихъ будетъ дѣло въ судѣ, и ему придется избирать представителя его интересовъ, нанимать адвоката, онъ едва-ли будетъ искать его въ средѣ „чистыхъ сердцемъ", въ числѣ рыцарей святаго Граля; нѣтъ, онъ несомнѣнно остановится на томъ, который выигрываетъ больше дѣлъ!

Понятно, что эта новѣйшая эволюція парламентаризма отзывается самымъ пагубнымъ образомъ и на характерѣ избирателей. Выборы сдѣлались настоящею школой политическаго разврата. (Это въ

особенности стало замѣтно съ постепеннымъ пониженіемъ избирательнаго ценза, а, стало быть, и культурнаго уровня избирателей). Естественно понижаются и указываемыя ему цѣли и предлагаемые ему аргументы. Понижаются и тѣ средства, которыя употребляютъ кандидаты, конкуррирующіе на парламентское кресло. Между ними происходитъ настоящая борьба за существованіе! Вникнемъ въ нее. Вѣдь для того, чтобы меня избрали, недостаточно увлечь, очаровать и одурачить моихъ избирателей; мнѣ прежде всего нужно утопить своего конкуррента. Mors tua—vila mea думаетъ избираемый,—и дѣйствуетъ сообразно этой поговоркѣ! Никакія высокія разсужденія и краснорѣчивыя рѣчи о прелести добродѣтели и безкорыстія тутъ не помогутъ; воззваніями къ самопожертвованію и безкорыстному служенію общему дѣлу не утопишь своего конкуррента, если онъ, съ своей стороны, будетъ объяснять тѣмъ же слушателямъ-избирателямъ, что именно онъ, а не его конкуррентъ, знаетъ, какъ пролѣзть къ тому или другому министру, какъ добыть расположеніе того или инаго парламенскаго дѣльца, и что, стало быть, именно *онъ* можетъ доставить избравшему его округу всѣ блага земныя, и публичныя работы, и желѣзныя дороги, не считая мѣстъ и орденовъ. Рыцарь святаго Граля, несомнѣнно, провалится! Но не должно думать, что съ пониженіемъ уровня аргументовъ—понижаются и избирательные расходы, наоборотъ, а это открываетъ настежь двери избирательнаго

зала капиталистамъ-политиканамъ, которые тоже не идеаисты и не святые. И противъ всего этого западному государству нечѣмъ бороться, нечего даже возразить: оно совершенно безоружно! Мирные (умные) анархисты все это понимаютъ; они видятъ, что число ихъ растетъ неудержимо, и что со временемъ большинство въ парламентѣ будетъ на ихъ сторонѣ, что они добьются своего законнымъ путемъ, добьются всего того, чего, на примѣръ, парижскіе коммунары сдуру добивались, строя баррикады и сожигая полъ-Парижа! Теперь, пока законъ противъ насъ,—говорятъ они,—пока не мы—большинство, мы будемъ сидѣть смирно и вести легальную пропаганду, безъ баррикадъ. Зачѣмъ намъ баррикады? мы поумнѣли, это хорошо для глупыхъ дебютантовъ; пріемъ этотъ и не вѣренъ и дорогъ; но,—продолжаютъ они, обращаясь къ теперешнему большинству,—мы воспользуемся вашими же законами, вами же установленнымъ правовымъ порядкомъ, и когда будемъ въ большинствѣ (въ парламентѣ), добьемся мирнымъ путемъ всего того, чего наши предшественники хотѣли достигнуть путемъ насилія; и напрасно императоръ германскій бранитъ насъ „партіей разрушенія“ (Umsturz-Partei). Мы не выйдемъ изъ условій вами же, парламентаристами, придуманнаго юридическаго строя. А если вы, теперешнее большинство (которое черезъ двадцать, тридцать лѣтъ превратится въ меньшинство), *) вздy-

*) Сліяніе соціализма и анархизма въ недалекомъ будущемъ несомнѣнно.

маете тогда не подчиняться нашему закону, вздумаете отстаивать свободу, собственность, семейство и т. п. и будете строить баррикады, то *мы* вамъ покажемъ, что *мы не хуже васъ умѣемъ распоряжаться картечью!* Западное общество стоитъ гораздо ближе къ осуществленію анархистско-соціалистическихъ идей, нежели кажется; даже Англія, сразу сдвинувшаяся съ своихъ вѣковыхъ устоевъ. Много зависитъ отъ того, въ какомъ освѣщеніи представляется тотъ или другой выводъ. Вѣдь для того, на прим., чтобы дойти до желаннаго соціалистами экономическаго положенія, стоитъ провести два-три закона, на примѣръ—усиленное и прогрессивное обложеніе наслѣдствъ и недвижимой собственности и выкупъ орудій производства; одинъ изъ такихъ законовъ до такой степени, съ виду, добродушно-безвреденъ, что онъ одобряется даже нѣкоторыми консервативными писателями. Это законъ, по которому каждый человѣкъ, желающій *мирно и честно* зарабатывать свой хлѣбъ, имѣетъ и *право* на извѣстную работу. Государство *обязано* ее найти, создать и дать, оно *обязано* каждому изъ своихъ подданныхъ дать возможность жить самому и содержать семейство! Кажется,—чего скромнѣе?! А весь строй будущаго западнаго соціалистическаго государства—въ двухъ-трехъ такихъ законахъ, и *несомнѣнно* парламентаризмъ доведетъ западную Европу до этого государства, доведетъ съ точностью машины!

Гладстонъ въ одной изъ своихъ біографій (если не ошибаюсь, Ньюмана) разсказываетъ про добро-

душнаго судью, который, присудивъ какого-то несчастнаго еретика къ пыткѣ на станкѣ (rack), прибавилъ въ своемъ судебномъ рѣшеніи, что станокъ этотъ слѣдуетъ употреблять со всею „деликатностью“, которую допускаетъ такого рода юридическое пособіе, такого рода машина. Вотъ парламентъ все болѣе и болѣе и дѣлается такою машиной.

Мнѣ кажется,—я ничего не преувеличиваю, не иду далѣе дѣйствительности, далѣе фактовъ, провѣрить которые очень нетрудно. Несомнѣнно, что Западъ все болѣе и болѣе становится на тотъ путь, который долженъ его привести къ тѣмъ нежелательнымъ результатамъ, о которыхъ я говорю, хотя парламентарная машина дѣйствуетъ пока съ „деликатностью“ и примѣняется пока преимущественно къ жизни экономической. Сторона семейная и религіозная затронута деспотическими и эгалитарными требованіями парламентаризма еще не сильно, хотя борьба парламента (представителя атеистическаго государства) съ церковью—въ вопросѣ о школѣ, изъ которой уже выносится распятіе, и о семействѣ, основаніемъ котораго признается уже не таинство, а юридическій полицейскій актъ (гражданскій, такъ-называемый, „бракъ“ *)—принимаетъ все большіе и большіе размѣры, и побѣда все болѣе и болѣе склоняется на сторону парламента. Теперь, повидимому, наступило пере-

*) Должно сознаться, что и у насъ понятія объ этомъ вопросѣ тоже запутываются, благодаря постоянно увеличивающейся легкости разводовъ; подумаешь, что и намъ, и нашему правительству приходится считаться съ разными Векерле и К°!

міріе. Атеистическому государству хочется отдохнуть отъ своихъ побѣдъ.

Къ счастью для западнаго человѣчества, оно еще можетъ двигаться по старой колеѣ, не замѣчая противорѣчія, въ которое оно впадаетъ; оно уже отбросило свои прежнія этическія основанія, но инстинктивно еще цѣпляется за нихъ, живетъ ими, хотя они діаметрально противоположны его новому философскому, матеріалистическому и утилитарному символу вѣры. Но анархисты начинаютъ уже указывать ему на это противорѣчіе, и современнымъ вожакамъ Запада приходится молчать!

Иногда западники выставляютъ противъ насъ такой аргументъ: Что тутъ спорить; вѣдь мы такіе же люди, какъ и западно-европейцы, не глупѣе же они насъ, а они все же пришли къ парламентаризму, ну, стало-быть, и мы къ нему придемъ! Съ такимъ выводомъ нельзя согласиться. Мы, правда, тоже европейцы, но наша исторія сложилась иначе, и если мы сами сдуру не наложимъ на себя руки, то и не окажемся въ необходимости *по неволѣ* идти къ парламентарному строю, со всѣми его послѣдствіями.

Для того, чтобы понять, почему мы можемъ не слѣдовать примѣру Запада, почему мы можемъ избѣжать тѣхъ опасностей, которыя передъ нимъ открываются, стóитъ только сравнить его исторію съ нашей; тогда многое выяснится; тогда станетъ понятно, почему роковые выводы, къ которымъ пришелъ Западъ, для насъ ничуть не обязательны.

Государство типа славянофильскаго.

Исторія наша и исторія Запада сложились совершенно различно. Въ нашей исторіи нѣтъ характеристической черты исторіи Запада,—въ ней нѣтъ элемента завоеванія и борьбы. Наши Государи насъ не завоевывали, они были нами избираемы и утверждаемы добровольно; для установленія и утвержденія своего авторитета они не имѣли нужды становиться къ народу во враждебныя отношенія. У насъ, поэтому, не было и повода къ тѣмъ постояннымъ распрямъ и революціямъ изъ-за власти (сначала между государемъ и феодалами, а затѣмъ и между сословіями), которыя служатъ характеристическою чертой западной исторіи. Между Государемъ и большинствомъ его народа не было политическаго „средостѣнія“, и *справедливые* интересы большинства, „меньшей братьи“, были постоянно на виду у Государя, который былъ *одинаковымъ для всѣхъ отцомъ* (правда, иногда и строгимъ и даже жестокимъ). Онъ никогда не былъ и не могъ быть le premier gentilhomme de Russie, въ которые намѣревались „возвести“ его нѣкоторые изъ нашихъ неразумныхъ поклонниковъ западныхъ порядковъ, ближе знакомыхъ съ исторіей Франціи, нежели съ своею собственною. Это объясняетъ, какимъ образомъ у насъ могла быть совершена великая реформа освобожденія крестьянъ съ землею, совершена *величественно мирно*. Зная, что у него есть ходатай и опекунъ, въ лицѣ его Царя, народъ нашъ и не стремится къ власти. Въ

этомъ опять проявляется коренная разница между нами и народами Запада; народъ русскій не любитъ „государствовать“. Государствованіе представляется для него не *цѣлью*, а *средствомъ*; онъ смотритъ на политику, на политическую дѣятельность, какъ на государственную тяготу, нисколько не привлекательную, въ то время какъ для народовъ Запада политическая борьба, вообще „политика“ — составляетъ какъ бы самую ихъ жизнь, самое драгоцѣнное ихъ право, самое дорогое для нихъ занятіе! Но,—говорятъ западники,—гдѣ же гарантія, что ваша „Единая“, „Высшая“ „воля“ захочетъ послѣдовать и послѣдуетъ указанію, желанію, совѣту вашего коллективнато ума, вашихъ „многихъ умовъ“? Покажите намъ, дайте намъ эту гарантію! Народъ, по западнической теоріи, непремѣнно долженъ имѣть возможность, право *принудить* Государя (Высшую волю) исполнять *его* требованія, *его* волю потому, что если народъ (его представители, парламентъ) не *принудитъ* Государя поступать, какъ должно, дѣлать то, что́ нужно для народа, Государь этотъ *самъ*, *добровольно*, *безъ принужденія*—такъ не поступитъ. Спрашивается: почему? не чемъ основывается предположеніе, что Высшая воля, что неограниченный Государь *не захочетъ* поступить согласно съ благомъ народа, а парламентское большинство непремѣнно захочетъ и будетъ? Западническая теорія даетъ на это очень категорическій отвѣтъ: потому что Государь, представитель власти, по самому своему происхожденію, по самой силѣ вещей—

Отсутствіе гарантій.

врагъ народа, потому что ихъ интересы противоположны; вѣдь онъ завоеватель, поработитель, между ними *должна* быть борьба; какъ же безъ борьбы!? Такова невольная мысль западника,—мысль, которая вытекаетъ совершенно правильно и логично изъ исторіи Запада. Тамъ идея Государя, или вообще правительства, отождествляется съ идеей зевоевателя, врага; конечно, съ нимъ и должно бороться! его должно *связать*, его должно *заставить* дѣйствовать такъ, какъ нужно для блага народа, а то вѣдь онъ будетъ дѣйствовать ему во вредъ,—какъ же завоеванному народу не стараться высвободиться изъ подъ его тираніи! (Такъ попалъ и добродушный Людовикъ XVI въ „тираны“). Если ужъ, по разнымъ причинамъ, Государя и приходится терпѣть, то, по крайней мѣрѣ, его нужно связать, на него нужно получить „документы“, акты, гарантіи (конституціонныя хартіи); ужъ если безъ него нельзя обойтись, пусть онъ тамъ сидитъ на своемъ престолѣ, пусть онъ себѣ царствуетъ, *но не думаетъ нами управлять!* „Le Roi règne, mais ne gouverne pas“! Естественно, что при такихъ отношеніяхъ могло возникнуть и дѣйствительно возникло договорное государство; оно возникло на Западѣ изъ самой сущности вещей,—изъ самой исторіи Запада, состоящей изъ постоянныхъ междоусобныхъ войнъ и перемирій. Понятно, что каждое изъ этихъ перемирій устанавливается на извѣстныхъ условіяхъ, которыя должны быть протоколированы; эти мирные трактаты и служатъ осно-

ваніемъ договорнаго, „правоваго“ государства. Но, какъ всегда бываетъ послѣ каждой войны, въ особенности послѣ войны междоусобной, хотя стороны и заключили миръ или перемиріе, но каждая изъ нихъ жалѣетъ о томъ, что она не могла выторговать бо́льшаго, и конечно такъ и смотритъ, какъ бы снова, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, затѣять новую войну и добиться бо́льшихъ уступокъ отъ врага; а нѣтъ войны, такъ можно и во время мира добиться уступокъ, стараясь какъ-нибудь перетолковать въ свою пользу ту или да́рную статью договора, конвенціи. Много войнъ, много договоровъ, много обмановъ и сутяжничества, много всякаго права,—но гдѣ же тутъ пріютиться бѣдной этикѣ!? Конечно, при такихъ условіяхъ ея роль—самая ничтожная, блѣдная... Все это несомнѣнно отражается и на всемъ настроеніи общества, вся его жизнь основана на правѣ, оно только и думаетъ о томъ, какъ бы пріобрѣсти новыя права и какъ бы истолковать къ свою пользу уже пріобрѣтенныя.

Право.

Я весьма далекъ отъ мысли отвергать высокое значеніе права; *) чужое право—вещь священная,

*) Отвергая теоріи сторонниковъ правоваго (парламентарнаго) государства, отвергая возможность государственнаго, общественнаго строя, основаннаго на идеѣ права, мы никогда не думали противопоставлять свой древне-русскій типъ самодержавія—идеѣ законности! Мы отнюдь и не отвергаемъ идеи законности. Государство безъ закона—татарское ханство. У насъ начинаетъ нарождаться типъ какихъ-то своеобразныхъ консерваторовъ, увѣряющихъ, что законность несовмѣстима съ самодержавіемъ, которые въ доказательство своей преданности престолу нарушаютъ, на прим., права (личныя, имущественныя и религіозныя) другихъ подданныхъ

и попирать его преступно. Если на Западѣ ему придаютъ слишкомъ большое значеніе,—у насъ, можетъ быть, ему отведено слишкомъ малое; это выражается и въ безобразныхъ иногда вердиктахъ (въ особенности оправдательныхъ) нашихъ присяжныхъ; но, повторяю, не подлежитъ сомнѣнію и тотъ фактъ, что при парламентскомъ строѣ право за-

---

Царя! Мы, конечно, не имѣемъ ничего общаго съ такими „столпами самодержавія“! Развѣ и само самодержавіе не основано на законахъ? развѣ законъ установленъ не самою же верховной самодержавной властію?! Правда, эта власть стоитъ выше закона, въ томъ отношеніи, что можетъ его замѣнить другимъ закономъ (это право присущее всякой верховной власти, будь она самодержавная, или парламентарная или хоть власть французскаго конвента 1792 года); законъ есть выраженіе воли Верховной власти и можетъ, конечно, быть ею отмѣненъ; но пока онъ существуетъ, всѣ должны ему подчиняться и всякій подданный, (кто бы онъ ни былъ) его нарушающій—*противникъ установившей его власти*, т. е. не только не охранитель самодержавія, а бунтовщикъ, (хотя и безсознательный).

Столь же неосновательно обвиненіе, часто противу насъ направляемое, что славянофилы какіе-то „гасильники“, „враги свободы“, „ультра - консерваторы“ и т. п. И это обвиненіе совершенно произвольно и ни на чемъ не основано. Разнымъ этимъ прозвищамъ, вывѣскамъ („либералъ“, „прогрессистъ“ „консерваторъ“ и т. п., взятымъ у Запада гдѣ они имѣютъ свое значеніе и гдѣ они „у мѣста“) мы не придаемъ никакого значенія, они мало прилаживаются къ нашей жизни и даютъ, у насъ, поводъ къ недоразумѣніямъ; но лишь человѣкъ совершенно незнакомый съ нашей литературой можетъ считать насъ „врагами свободы“; „Прогрессъ“ мы признаемъ, но не по западному шаблону; мы понимаемъ его въ смыслѣ постояннаго развитія и примѣненія къ жизни нашихъ основоположеній; мы признаемъ стремленіе къ усовершенствованію необходимымъ признакомъ жизненности нашихъ принциповъ, доказательствомъ ихъ „права на жизнь“. Остановка въ развитіи всякой идеи есть несомнѣнный признакъ если не наступающей ея смерти, то во всякомъ случаѣ признакъ тяжкой болѣзни; мы же умирать не собираемся!

темняетъ этику, что оно становится на ея мѣсто. Все, съ чѣмъ согласилось большинство, все, что оно одобрило и приняло, дѣлается не только законнымъ, но и справедливымъ, хорошимъ, нравственнымъ! Формальная человѣческая правда (законъ юридическій) болѣе и болѣе затемняетъ правду Божію законъ нравственный, ту высшую правду, которая такъ дорога русскому народу. Эта особенность русскаго народа—народа *не юридическаго, а этическаго*—выражается и въ его литературѣ,—это главная струна могучаго таланта Достоевскаго. она звучитъ и у другихъ нашихъ писателей, на примѣръ у Островскаго, Толстаго (даже во „Власти тьмы“). Вотъ главнѣйшія причины, почему мы не довѣряемъ парламентаризму, и вотъ почему мы и думаемъ, что наша система „*одна воля и много умовъ*“, (то-есть одна *рѣшающая* воля, но просвѣщенная многими умами, и много умовъ, *преклоняющихся* передъ этою просвѣщенною ими волей) и есть наилучшая изъ всѣхъ въ настоящее время возможныхъ государственныхъ системъ. Изъ нашей формулы не устраняется, стало быть, участіе многихъ умовъ, она не „игнорируетъ“ управляемыхъ, какъ ихъ игнорируетъ гордое—„l'Etat—c'est moi“, которое, все-таки, есть лишь облагороженная формула средне-азіатскаго ханства (хотя *практически* стоитъ столько же выше формулы ханской, сколько Людовикъ XIV или Петръ Великій стояли выше Чингисхана или Мамая).

„Уму“ народа удѣляется по нашей формулѣ не-

маловажная роль въ дѣлѣ государственной жизни, *) но лишь роль *совѣщательная*, а отнюдь не *рѣшительная*. Формула наша, не налагая печати молчанія на уста управляемыхъ, не дѣлая ихъ безполезными, пассивными, устраняетъ ихъ лишь изъ *участія въ управленіи*, то-есть, въ томъ, что Ив. Аксаковъ называлъ *государствованіемъ*. Коренную разницу этихъ двухъ функцій, конечно, нечего объяснять—она очевидна.

Нашъ политическій мессіанизмъ.

Возможенъ-ли для насъ мессіанизмъ на Западѣ въ сферѣ политической? Западники считаютъ это утопіей. Едва-ли это справедливо. Мнѣ кажется, что мессіанизмъ нашихъ политическихъ идей становится все болѣе и болѣе возможнымъ, по мѣрѣ того, какъ самъ Западъ начинаетъ сомнѣваться въ истинности своихъ политическихъ идеаловъ. Скептическое къ нимъ отношеніе гораздо распространеннѣе на Западѣ, нежели мы думаемъ; вѣдь мы, несмотря на наше (довольно жалкое) желаніе „не отстать“ отъ Европы, въ сущности отстаемъ отъ нея лѣтъ на пятнадцать, на двадцать. Мы еще очень твердо вѣримъ въ безусловную истину тѣхъ „послѣднихъ словъ западной науки“, надъ кото-

*) Какъ на примѣръ такого совмѣстнаго содѣйствія, укажу на великую крестьянскую реформу Александра II. Память объ этой реформѣ намъ, славянофиламъ, дорога не только потому, что славянофилы принимали въ ней очень дѣятельное участіе, но и потому, что она подтверждаетъ наше указаніе на возможность и успѣшность совмѣстнаго дѣйствія Верховной „воли“ и народныхъ „умовъ“. Государь самъ, постоянно и съ величайшимъ вниманіемъ, читалъ мнѣнія и большинства и меньшинства коммиссіи. *До него доходило все, что въ коммиссіи говорилось и дѣлалось.*

рыми самъ Западъ начинаетъ скептически задумываться. То, что́ нашими западниками считается панацеей отъ всякихъ политическихъ золъ и бѣдъ,—демократическій парламентаризмъ—на мѣстѣ его производства пользуется уже далеко не прежнею своею славой! Я не утверждаю, что западное общество обречено на погибель, но если ему суждено спастись, то оно спасется, лишь замѣнивъ свои идеалы нашими! т. е. замѣнить свои юридическія основы—этическими. Впрочемъ, Западу придется еще кое-что пережить прежде, нежели убѣдиться въ негодности, въ гнилости своихъ устоевъ!

Наполеону I приписывается извѣстная фраза: Dans cinquante ans l'Europe sera republicaine ou cosaque: Можно оспаривать и срокъ и выраженія *), но несомнѣнно, что рано или поздно Европѣ придется выбирать между властью „одной воли“ и властью „многихъ воль“, между нашими идеалами и своими; но нуженъ крутой поворотъ отъ одной системы къ другой; однѣхъ фразъ недостаточно,—фразъ въ родѣ нѣсколько туманнаго изреченія Наполеона III: Tout pour le peuple—rien par le peuple, или болѣе энергическаго, но нѣсколько хвастливаго—Voluntas regia summa lex! Нужно нѣчто посерьезнѣе...

Гласность. Ея необходимость.

При всемъ различіи во взглядахъ на верховную власть мы, славянофилы и западники, однако сходимся въ одномъ; мы одинаково счита-

*) Фраза эта была сказана Наполеономъ на островѣ св. Елены, и, думая о Россіи, онъ невольно отождествлялъ ее съ казаками, отъ которыхъ ему такъ доставалось въ 1812 году.

емъ необходимымъ, чтобы власть эта была зрячею, чтобы она ясно видѣла все, что̀ вокругъ нея совершается, и совершается ея именемъ,—то-есть признаемъ безусловную необходимость *гласности*. Противъ гласности выставляется ея порицателями (приверженцами „бюрократическаго“ государства, Polizei-Staat'a), во-первыхъ, что она можетъ поколебать довѣріе народа къ мудрости правительства, во-вторыхъ, что она можетъ служить распространенію „вредныхъ идей“. Разберемся!

Говоря о пользѣ и необходимости гласности, я, конечно, не предлагаю освободить ее отъ законнаго контроля; (и очень большая гласность можетъ существовать при очень сильномъ контролѣ государства). Злоупотребленія ея должны подвергаться очень строгому преслѣдованію; вопросъ въ томъ, что̀ собственно слѣдуетъ считать злоупотребленіемъ? Что̀ преслѣдовать? Указаніе Верховной власти на дѣйствительное, существующее зло можетъ, конечно, быть непріятно дурной администраціи, но не можетъ поколебать „престижа“ власти, ибо, убѣдившись въ томъ, что данное указаніе вѣрно, она, конечно, немедленно и исправитъ зло, а это не только не поколеблетъ, а напротивъ, укрѣпитъ ее. Нельзя же серьезно увѣрять, что Верховная власть не пожелаетъ исправить зла! Объ этомъ можно говорить въ какихъ-нибудь республиканскихъ фельетонахъ! Въ подтвержденіе моей мысли я приведу слова одного анонимнаго публициста, съ мнѣніемъ котораго нельзя не согласиться; вотъ его слова:

„Народъ долженъ знать истину о правительствѣ и правительство—знать истину о народѣ, и оба должны знать истинную цѣль своихъ стремленій. Правительство и народъ должны знать не только конкретную истину другъ о другѣ, но, дабы не дѣлать ошибокъ во взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, они должны знать и отвлеченную истину, во имя которой эти отношенія существуютъ. Они должны знать и ясно понимать тѣ вѣковѣчные принципы, которые лежатъ въ основѣ государственной жизни и которые должны руководить правительствомъ и народомъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Правительство должно знать истину о своемъ народѣ. Но теперь оно узнаетъ ее почти исключительно черезъ своихъ агентовъ; а при этомъ должно имѣть въ виду то обще-человѣческое свойство, вслѣдствіе котораго подчиненный, докладывая своему начальству о собственныхъ своихъ дѣйствіяхъ по ввѣренному ему дѣлу, всегда будетъ склоненъ представлять ихъ въ томъ видѣ, что „все обстоитъ благополучно“! Это мы видѣли не разъ!“ Мы видѣли и печальные результаты отсутствія гласности, на прим., во время двукратныхъ народныхъ голодовокъ! отрицавшихся администраціей.

Цензура.

Болѣе серьезнымъ возраженіемъ противъ гласности представляется опасность распространенія „вредныхъ мыслей“. Но развѣ однѣ ножницы цензуры, вообще—„запрещеніе“, могли когда-нибудь съ успѣхомъ бороться противъ умѣлаго пера?! противъ мысли? Никогда! Отрицательными средствами вредной мысли *исправить* нельзя; никакая полиція

съ нею сладить не можетъ, *мысль можно побороть лишь мыслью, заблужденіе—истиною.* Даже ложь, которая не можетъ высказаться, получаетъ до нѣкоторой степени симпатичный характеръ, видъ угнетенной правды. Повторяю: цензура не должна быть совершенно упразднена. Относительно безнравственныхъ произведеній она несомнѣнно должна существовать, она должна существовать и для тѣхъ сочиненій, которыя прямо проповѣдуютъ революцію противъ церкви и государства или отпаденіе отъ нихъ; но и самая умная цензура не принесетъ пользы, если истину будутъ защищать только запрещеніями неправды, только отрицательными мѣрами! Это мы видѣли на дѣлѣ, видѣли, какъ неуспѣшно боролись цензура и полиція, напр., противъ Герцена; мы видѣли тоже, какъ она грубо, дѣтски-наивно ошибалась, считая врагами государства не умѣющихъ будто бы понять „истиннаго патріотизма“ такихъ публицистовъ, какъ Аксаковъ или Катковъ! Здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ вопросѣ; я повторяю только, что разумное правительство не можетъ желать подавленія гласности, которая, поставленная въ надлежащія рамки, или, вѣрнѣе, *на надлежащій путь*, въ состояніи сослужить ему самому великую службу. Должно, впрочемъ, замѣтить, что государство лишь тогда можетъ найти въ литературѣ дѣйствительную, сильную поддержку, когда оно дастъ ей достаточную долю самостоятельности и независимости. Литература должна имѣть право серьезной, объективной

критики. Отъ апологета, имѣющаго право только хвалить, нечего ожидать пользы, отъ него не будетъ пользы даже и въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ говорить хотя и *правду*, *но не всю правду*, а только ту часть ея, которую пріятно слушать.

Враги печатной гласности ссылаются на то, что въ нашихъ журналахъ появляется иногда всякое вранье, иногда нападки на личности, что въ ней встрѣчается много мальчишества и много наивности; все это такъ; но въ этомъ особенной бѣды нѣтъ. Исправить это не трудно; за то у насъ не могутъ повториться, на примѣръ, такія шантажныя продѣлки, которыя бываютъ заграницей. Какъ нибудь невысокъ *научный* и *культурный* уровень у нашей журналистики, все же за очень немногими исключеніями, въ ней есть положительная „порядочность“, положительное желаніе служить своей идеѣ, хотя иногда и ошибочной.

Представителями гласности, кромѣ печати, могутъ, и даже съ бо̀льшимъ правомъ, служить тѣ части государственнаго организма на которыя я указывалъ выше, какъ на возможныхъ совѣтниковъ высшей власти,—отъ (эвентуальнаго) земскаго собора до частныхъ людей, пріобрѣтшихъ извѣстность спеціалистовъ по тому или другому вопросу.

Гарантіи гласности.

Но всѣмъ этимъ конституціоналисты недовольны. Власть, говорятъ они, можетъ конфисковать гласность, которая ей самой или ея фаворитамъ не понравится... чѣмъ же вы ее гарантируете отъ такой конфискаціи? Ничѣмъ,—отвѣчаемъ мы!

Ничѣмъ, кромѣ твердаго намѣренія самого общества, *насъ же самихъ*, уберечь ее отъ посягательствъ и сверху и снизу; и я увѣренъ, что и то и другое намъ удастся. Опять-таки ссылаюсь на факты. Несмотря на отсутствіе какихъ бы то ни было парламентарныхъ гарантій, мы и въ этомъ отношеніи несомнѣнно идемъ впередъ. Время беретъ свое! Гласность несомнѣнно растетъ... Точно такъ же, какъ невозможны, немыслимы теперь не только Бироны, но и Аракчеевы, такъ невозможно теперь то отсутствіе гласности, которое царило при тѣхъ же Бирона̀хъ или Аракчеевыхъ, которое существовало у насъ сто и даже пятьдесятъ, даже сорокъ лѣтъ тому назадъ!

Я не спорю, что при парламентарномъ устройствѣ государства гласность (и дурная и хорошая) можетъ достигнуть бо́льшихъ размѣровъ, нежели въ государствѣ самодержавномъ; запросъ (интерпелляція) въ камерѣ—дѣло очень щекотливое не только для того, кто дѣлаетъ темныя, незаконныя дѣла, избѣгающія свѣта, но и для того, который боится, что его могутъ обличить въ полномъ незнаніи того, что онъ долженъ знать; но если бы за эту бо́льшую степень гласности намъ пришлось заплатить введеніемъ у насъ парламентаризма, то, конечно, эта цѣна оказалась бы слишкомъ высокою; лучше терпѣть то, что есть,—и ждать. Подождемъ; правда возьметъ свое! Дастъ Богъ—дойдемъ до нашей цѣли съ помощью лишь *убѣжденнаго, открыто и безбоязненно сказаннаго правдиваго слова!*

Перехожу къ *народности*. Какъ въ вопросахъ религіозныхъ, такъ и въ вопросахъ, касающихся націонализма, болѣе умѣренные изъ западниковъ требуютъ только, чтобы мы „помирили“ наши національные идеалы, „соединили ихъ органически“ съ началами европейскими; требуютъ, чтобы наша любовь къ Россіи не превращалась въ ненависть къ иностранцу, чтобы мы не требовали войны для передѣлки карты Европы и не проповѣдовали революцій, и т. под. Эти желанія, очень похожія на обвиненія, основаны на явномъ недоразумѣніи. Народность.

Въ чемъ, дѣйствительно, состоятъ требованія націонализма? — Въ томъ, чтобы каждая народность, достигшая полнаго политическаго самосознанія и заявившая передъ исторіей (заявляющая и въ данное время), способность къ самостоятельному существованію, *дѣйствительно бы* и существовала какъ отдѣльная, независимая народность. Такъ становится вопросъ въ теоріи, на практикѣ онъ, конечно, подвергается нѣкоторымъ видоизмѣненіямъ, но сущность дѣла остается неизмѣнною. Спрашивается: насколько примѣненіе принципа націонализма можетъ вызвать „революцію“, „вражду къ иноземцу“, „войну“ и т. п. Тутъ, очевидно, смѣшеніе различныхъ понятій, совершенно неосновательное ихъ отождествленіе. Конечно, національная политика ведетъ иногда къ войнѣ и революціи, но примѣненіе національныхъ принциповъ къ политикѣ можетъ обойтись и безъ революціи; такъ Англія, получившая на Вѣнскомъ конгрессѣ Іоническіе острова, добро-

вольно отдала ихъ Греціи; такъ Александръ I добровольно далъ автономію Польшѣ. Иногда, конечно, освобожденіе происходитъ путемъ революціи; но въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго; словъ нечего пугаться, революція можетъ быть и преступная и, напротивъ, вполнѣ законная и нравственная. Развѣ революція Россіи противъ татаръ при Дмитріи Донскомъ и при Іоаннѣ III была незаконна? развѣ революція Нидерландовъ противъ Филиппа II, или Греціи противъ турокъ въ 20-хъ годахъ была преступна? (вѣдь вся консервативная Европа и даже Императоръ Николай I сочувствовали и помогали Греціи). Изъ несомнѣннаго права народа на независимость вытекаетъ логически и право его на борьбу противъ рабства, противъ захватившаго власть иноплеменника. Эта аксіома все болѣе и болѣе входитъ во всеобщее сознаніе. Вся исторія Европы послѣ Вѣнскаго конгресса (на которомъ, въ угоду какому-то псевдо-легитимизму, служившему маской самымъ низкопробнымъ и своекорыстнымъ похотямъ, распоряжались народами, какъ стадами) служитъ подтвержденіемъ моихъ словъ.

Наши отношенія къ славянамъ.

Западофилы нападаютъ на наше стремленіе, наше желаніе не только оставаться какъ можно болѣе и долѣе русскими, но еще помнить при этомъ, что мы и славяне. Да! Мы не хотимъ, мы не должны забывать, что мы принадлежимъ къ тому племени, которое всѣми угнетаемо, и турками, и австрійцами, и венграми, и нѣмцами, которое по истинѣ заслуживаетъ данный ему эпитетъ: „*опалыно-міро-*

вало“: Именно мы, славяне, „подъ опалой“ у всей Европы! Но мы не хотимъ переносить ее, мы изъ нея выбьемся! Почему то, что всѣмъ дозволяется, и нѣмцу, и итальянцу, и кому угодно, запрещается славянину? Мы, де, низшая раса, мы лишь этнографическій матеріалъ, мы тѣ дикія деревья, къ которымъ должна быть привита иноземная культура... нѣмецкая, итальянская, венгерская, турецкая, всякая!.. Попробуй мы стать на ноги, поднять нашу голову, сейчасъ же поднимаются крики: „Das Slaventhum darf nicht sein straubiges Cariatiden Haupt aufheben! (Славянство не должно смѣть поднимать своей взъерошенной головы!) Насъ, славянофиловъ, спрашиваютъ, почему мы интересуемся славянами, почему мы ихъ любимъ болѣе, нежели другихъ иноземцевъ, другихъ заграничныхъ жителей? да просто потому же, почему мы предпочитаемъ [illegible]ому— своего, потому что славянинъ намъ ближе, онъ намъ *свой*, онъ *нашъ!* Онъ въ большинствѣ случаевъ одной съ нами вѣры, говоритъ почти на нашемъ языкѣ. Мы любимъ славянъ потому же, почему мы любимъ наше семейство, нашу родню болѣе, нежели постороннихъ; любовь наша другъ къ другу усиливается еще тѣмъ, что насъ одинаково не любятъ другіе, что у насъ одни и тѣ же враги, хорошо видящіе ту громадную силу (хотя силу совершенно миролюбивую), которую будетъ представлять нашъ Востокъ, когда мы, православные и славяне, выяснимъ наши обоюдныя, свободныя отношенія — и сплотимся. Этого еще не понимаютъ многіе изъ

насъ, но зоркіе и дальновидные враги наши очень хорошо это видятъ и понимаютъ. Они чувствуютъ свою неправоту относительно насъ, они знаютъ свои грѣхи и дѣлаютъ все возможное, чтобы воспрепятствовать естественному и *неотвратимому* ходу мировыхъ событій! Правъ былъ Тютчевъ, говоря славянамъ:

„*Вамъ* не прощается Россія,—
„*Россіи* не прощаютъ васъ!“

Наиболѣе рѣзкими порицателями славянской политики являются у насъ именно западники, хотя по настоящему имъ слѣдовало бы поощрять расовую (племенную) политику; вѣдь племя все же является понятіемъ болѣе широкимъ, нежели народъ,—является ступенью къ тому всечеловѣчеству, къ тому (внѣ церкви не существующему) абстракту, о которомъ намъ твердятъ западники. Почему же относятся они такъ враждебно къ союзу съ славянствомъ, допуская и одобряя союзы съ другими иноземцами, съ протестантскою Пруссіей и даже съ католическою Австріей? Сближенію нашему съ католиками-поляками они тоже не противятся. Напротивъ! Почему это? Не потому-ли, между прочимъ, что славяне большею частью—православные, что союзъ съ ними усиливаетъ сознаніе нашей собственной православности?

Западники напрасно нападаютъ на нашу славянофильскую политику. Она не только основана на вполнѣ законномъ, благородномъ чувствѣ, она со-

отвѣтствуетъ и нашимъ реальнымъ интересамъ. Намъ эта политика—*выгодна* *), мы должны заботиться о томъ, чтобы славяне были и оставались нашими друзьями; и достигнуть этого не трудно. Несмотря на многочисленныя наши ошибки и на многое неразумное, сдѣланное вожаками славянскихъ народовъ, балканскіе славяне, несомнѣнно, намъ сочувствуютъ, и союзъ съ ними несравненно естественнѣе, нормальнѣе, нежели съ кѣмъ бы то ни было инымъ; все это совершенно понятно каждому русскому, смотрящему на дѣло непредубѣжденными глазами.

Интересно бы знать, въ чемъ, по мнѣнію западофиловъ, должна заключаться наша политика на Востокѣ? Вѣроятно, въ ничего недѣланіи? въ политикѣ „мудраго воздержанія“, въ „une politique de sage abstention“, „de modeste effacement“? Господи! Да неужели мы уже не Россія, а Книпгаузенъ или Санъ-Марино!.. Отчего же такъ не разсуждаютъ ни нѣмцы, ни англичане, ни даже итальянцы! Да и какъ же не понять, что если *мы* уйдемъ съ Востока, если *мы* оставимъ безъ участія и защиты, безъ покровительства территорію нашей церкви и нашего племени, ее немедленно займутъ наши враги и, въ концѣ концовъ, обратятъ эти юныя силы противъ насъ же самихъ, окружатъ

*) Ограничусь замѣчаніемъ, что въ настоящее время славянскія государства Балканскаго полуострова могутъ выставить до 360 тысячъ воиновъ. Неужели и надъ *этимъ* фактомъ не призадумаются наши салонные политики, совѣтующіе намъ бросить этихъ „скучныхъ братушекъ“?

насъ цѣлою сѣтью Польшъ. Россія не можетъ бездѣйствовать и молчать именно тамъ, гдѣ ея голосъ *долженъ* раздаваться; ее нельзя окружить китайскою стѣной и обречь ея громадныя экспансивныя, центробѣжныя силы на постыдное бездѣйствіе. Правда, историческія минуты настаютъ съ большими промежутками, но мы должны къ нимъ готовиться, должны ихъ предвидѣть! Такая минута была 1877—78 года! Мы не сумѣли ею воспользоваться. Но дѣло отъ насъ не уйдетъ, Россія выполнитъ свою освободительную задачу относительно своихъ меньшихъ братій; мы въ значительной степени ее уже исполнили, но выполнимъ ее и до конца, *вполнѣ* оправдаемъ предсказаніе поэта:

И слово—„Царь-Освободитель"
За русскій выступитъ предѣлъ!

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось какъ-то развивать подобныя мысли передъ однимъ изъ нашихъ дипломатовъ; онъ пришелъ въ ужасъ отъ моего непониманія положенія дѣлъ, отъ моего непониманія могущества Европы и нашей ничтожности. Помилуйте,—говорилъ онъ мнѣ,—да вѣдь за такое безуміе насъ посадятъ на цѣпь! (l'Europe va nous mettre des menottes). Ну, думалось мнѣ, немного найдется охотниковъ въ Европѣ произвести такую операцію надъ „сѣвернымъ медвѣдемъ"! Конечно, мы разсматриваемъ теперь вопросъ нашей народной политики и нашихъ отношеній къ славянству теоретически и не указываемъ на практическія мѣропріятія, на *средства* къ достиженію

желанныхъ результатовъ; но несомнѣнно *правда безусловная*— на сторонѣ нашего славянофильскаго народнаго пониманія дѣла, несмотря на нѣкоторую неопредѣленность и элементарность, несмотря на то, что она не всегда сходится съ документною „правдой“ дипломатіи. Простой человѣкъ, москвичъ или рязанецъ, не пойметъ, что если, на прим., православный или малороссіянинъ живутъ *въ нашихъ предѣлахъ, въ предѣлахъ Россіи*, то онъ, москвичъ, имѣетъ право считать его своимъ братомъ, вступаться за него, защищать отъ иноземнаго нападенія и т. п.; но что если тотъ же православный или малороссіянинъ *живетъ за границей, гдѣ-нибудь въ Буковинѣ, въ восточной Галиціи*, то онъ уже ему не братъ, и принимать къ сердцу его счастіе или несчастіе, судьбу его вѣры, языка—преступно, или, по крайней мѣрѣ, незаконно; пусть, молъ, у него отнимаютъ вѣру и языкъ, пусть изъ него дѣлаютъ венгра или поляка— это до насъ не касается, на то у него есть „свое начальство“. Да, этой дипломатической премудрости не можетъ сочувствовать простой человѣкъ, ей не можетъ сочувствовать и человѣкъ нашего круга, хотя мы понимаемъ, что ей, скрѣпя сердце и временно, должно подчиняться, какъ печальной необходимости; но мы думаемъ, что къ измѣненію такихъ отношеній можно и должно готовиться, что бы не быть застигнуты врасплохъ неотвратимыми обстоятельствами.

Предать нашу народность, забыть ее мы не можемъ—и не хотимъ. Мы не дадимъ себя обезличить. Мы — русскіе и славяне, и останемся рус-

скими и славянами; эти понятія не только не противорѣчатъ другъ другу, а, напротивъ, пополняютъ другъ друга. Мы не хотимъ потерять нашей личности и превратиться въ какого-то не существующаго въ дѣйствительности обще-человѣка, въ какого-то искусственнаго homunculus'а, изготовленнаго въ Фаустовской ретортѣ; нѣтъ, мы отвергаемъ и предательскую унію и безличный европеизмъ и останемся стойкими и убѣжденными православными и русскими; мы у себя и въ самихъ себѣ найдемъ средства осуществить высочайшіе идеалы и религіи и человѣчности. Мы, въ Россіи, стоимъ къ нимъ ближе, нежели Западъ, и мы достигнемъ ихъ осуществленія, *придерживаясь нашихъ исконныхъ преданій и вѣрованій.*

Политика уступчивости.

Одна изъ главныхъ причинъ недовѣрія къ славянофильской программѣ—есть незнакомство съ фактами. Думаютъ, вообще, что *мы*—нападающая сторона, воображаютъ, что никто не намѣренъ трогать ни нашей вѣры, ни нашей народности, что враги наши—плодъ нашей фантазіи, или, по крайней мѣрѣ, что мы сами создали ихъ своимъ „преувеличеннымъ „ультра-руссицизмомъ“ и „ультра-православностію“. Говорятъ, что если бы мы были поуступчивѣе (еще поуступчивѣе?), если бы мы согласились принять унію, забыли бы, что есть на свѣтѣ славяне, вообще сдѣлались бы поподатливѣе,—всѣ, всѣ были бы нами довольны, всѣ бы насъ хвалили да гладили по головкѣ. Это несомнѣнно! Тѣ, которые стригутъ барановъ, несомнѣнно,

довольны тѣми изъ нихъ, которые при этомъ не барахтаются, но на то они и—*бараны*! Повторяю: мы только и просимъ о томъ, чтобы насъ оставили въ покоѣ, чтобы мы могли жить по своему, какъ хотимъ и умѣемъ! Пусть иновѣрцы и иноземцы откажутся отъ намѣренія подчинить себѣ Востокъ и уходятъ къ себѣ домой, на свой Западъ—и никакой борьбы не будетъ! Повторяю: мы *защищаемся*; но этого не знаютъ; не знаютъ и того, что дѣлаютъ за границей съ нашимъ племенемъ и нашей вѣрой, какъ насъ притѣсняютъ, на прим., въ Австріи, когда мы, православные, желаемъ пользоваться лишь тѣмъ, что намъ гарантируетъ законъ и чѣмъ пользуются другіе. У православныхъ отбираютъ монастыри и отдаютъ іезуитамъ, словенскихъ дѣтей отбираютъ у ихъ матерей и превращаютъ въ венгровъ, всѣ наши политическія права у насъ отнимаютъ; и вотъ противъ всего этого наши западники не протестуютъ! Когда у насъ какой-нибудь усердный не по разуму администраторъ дѣлаетъ нѣчто подобное—всѣ, и весьма основательно, на это возстаютъ (не только западники, но и славянофилы), когда же угнетаютъ насъ, православныхъ и славянъ,—протестовъ не слышно! Никто изъ насъ, славянофиловъ, никогда не оправдывалъ преслѣдованій иновѣрцевъ и иноземцевъ, ни единой строки не написано нами въ этомъ смыслѣ, но защищать себя мы должны и будемъ; мы не дадимъ себя обморочить и загипнотизировать пустыми фразами и „жалкими словами“, мы не предадимъ того, что́

намъ завѣщано исторіей, и готовы защищать наши убѣжденія и словомъ и дѣломъ!

Поляки и другіе инородцы и иновѣрцы.

Намъ уже не разъ приходилось разъяснять наши взгляды на польскій вопросъ; насъ думаютъ смутить этимъ вопросомъ. Говорятъ: вотъ вы проповѣдуете свободу, признаете даже за каждою народностью, дошедшею до самосознанія и способною къ самостоятельной жизни, нѣкоторое, весьма опаснос, право революціи, а сами оправдываете плѣненіе Польши! Это-ли не противорѣчіе!? Нѣтъ! Никакого противорѣчія тутъ не существуетъ; вопросъ разрѣшается совершенно просто: мы признаемъ несомнѣнное право польскаго народа на самобытное существованіе, то-есть, на то право, которое наше ученіе признаетъ за всѣми отдѣльными народностями, но лишь подъ условіемъ, *чтобы и поляки руководствовались тѣми же славянофильскими „народническими“ теоріями*. Ежели бы они требовали только свободы, ежели бы они довольствовались только независимостью въ своихъ этнографическихъ предѣлахъ, то, конечно, мы не имѣли бы ни права, *ни желанія* возражать противъ такого требованія; но, къ сожалѣнію, они этимъ не довольствуются; они не только требуютъ для себя *свободы*, они требуютъ еще *властвованія надъ другими*. Они не довольствуются тою, сравнительно очень немалою территоріей, которая занята говорящимъ по-польски народомъ; они требуютъ возстановленія Польши въ ея границахъ 1772 г., то-есть, требуютъ власти надъ другими народностями, въ томъ

числѣ надъ безъ малаго пятнадцатью милліонами русскихъ! Вотъ въ чемъ бѣда, вотъ причина нескончаемыхъ между нами раздоровъ. Поляки основываютъ свои требованія не на этнографическомъ принципѣ, безусловно нами признаваемомъ, а на такъ называемомъ историческомъ правѣ; но это право въ данномъ случаѣ не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, ибо основывается на голомъ фактѣ, отошедшемъ уже въ область исторіи, а фактъ, самъ по себѣ, съ точки зрѣнія этики, не можетъ служить источникомъ права. Разъ онъ замѣненъ другимъ, новымъ, значительнѣйшимъ фактомъ— онъ теряетъ всякое значеніе, ежели не опирается на какой-нибудь высшій непререкаемый принципъ, могущій служить основаніемъ права; и такое именно непререкаемое право имѣютъ поляки на Варшаву, Краковъ и Познань (а не на Вильну, Кіевъ, Галичъ или Холмъ). То же самое непререкаемое право имѣютъ на прим., чехи на Богемію и Моравію. Болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, со времени несчастной Бѣлогорской битвы, враги чеховъ стараются ихъ онѣмечить, обезличить, но не только въ этомъ не успѣваютъ, а сами постоянно вынуждены отступать передъ возрожденіемъ чешскаго племени, возстановляющаго свои попранныя народныя права. (Въ чемъ да поможетъ ему Всевышній!).

Согласись сегодня поляки ограничить свои требованія этнографическими своими границами, и мы

завтра же сдѣлаемся ихъ друзьями *)! Къ сожалѣнію, опытъ 1862 и 1863 годовъ даетъ мало надеждъ въ этомъ отношеніи!

Сказаннаго будетъ, надѣюсь, достаточно для того, чтобы отвѣтить на то, что́ говорятъ наши западофилы о польскомъ вопросѣ: къ полякамъ мы относимся точно такъ же, какъ и къ другимъ славянамъ; мы и на нихъ смотримъ, какъ на братьевъ, мы всѣмъ имъ желаемъ преуспѣянія; никого мы не желаемъ ни завоевывать, ни порабощать, ни остальныхъ поляковъ, ни сербовъ, ни болгаръ,—*никого*; но, конечно, мы не позволимъ полякамъ и мечтать о возстановленіи ихъ власти надъ русскими. Pas de reveries, Messieurs! **).

Вопросъ объ отношеніяхъ нашихъ къ католикамъ-полякамъ связанъ съ другимъ болѣе общимъ и тоже очень важнымъ. Намъ слѣдуетъ на немъ остановиться.

Отношенія русскихъ православныхъ подданныхъ къ православной Россіи, къ общему отечеству—совершенно просты и ясны; но какъ, по славянофильскому ученію, должны и могутъ относиться къ той же Россіи, (къ общему нашему отечеству) *иновѣрные* наши сограждане? Неужели нѣмецъ - протестантъ или полякъ-католикъ, вообще нашъ иновѣрный согражданинъ, непремѣнно долженъ считаться дурнымъ, ненадежнымъ гражданиномъ (а полякъ - католикъ,—даже какъ бы и прирожденнымъ врагомъ Россіи) только потому, что онъ иновѣрецъ?

*) Это ясно понималъ и видѣлъ маркизъ Вьелепольскій (1863), за что и былъ ненавидимъ своими близорукими родичами.

**) Слова Императора Александра II.

Конечно, нѣтъ! и никогда славянофилы ничего подобнаго не утверждали.

Конечно, отношенія къ Россіи *православнаго* подданнаго, и подданнаго *не православнаго* не одни и тѣ же: Россія—не только *Государство* Россійское, она еще *православная*, „*Святая Русь*“, она „*Государство-церковь*“. Очевидно, что и отношенія къ ней подданнаго-иновѣрца не могутъ быть столь же близки, святы, какъ святы и близки къ ней отношенія подданнаго православнаго; но слѣдуетъ-ли отсюда, чтобы между подданнымъ иновѣрцемъ и его отечествомъ, Россіею, не было иной связи, кромѣ чувства страха, кромѣ необходимости, неволи? Нѣтъ! между ними есть еще иная нравственная связь и притомъ очень сильная, это—*чувство долга*! Иновѣрный подданный Россіи относится къ ней такъ же, какъ, на прим., французъ-кальвинистъ относится къ Франціи или пруссакъ-католикъ къ Пруссіи. Можно-ли утверждать, что они дурные граждане? *) Конечно, нѣтъ! Подобныя же отношенія могутъ и должны существовать между нашими согражданами-иновѣрцами и нашимъ общимъ отечествомъ. Мои многолѣтнія сношенія съ нашими католиками и нашими протестантами утверждаютъ меня въ вышесказанномъ. Я между прочимъ былъ свидѣтелемъ того, какъ, въ 1863 году, при началѣ возстанія поль-

*) Хотя должно сказать, что, въ случаѣ прямаго конфликта Пруссіи съ папой, пруссакъ-католикъ можетъ быть поставленъ въ очень затруднительное положеніе. *Для него одинъ выходъ—старокатолицизмъ!*

скіе мужики-католики везли къ тогдашнему люблинскому военному начальнику Хрущеву цѣлые возы связанныхъ пановъ-повстанцевъ. Было бы явной несправедливостію бросать въ поляковъ-католиковъ огульное обвиненіе въ неблагонадежности; а такое обвиненіе, направленное противъ нашихъ нѣмцевъ,—было бы не только совершенно несправедливымъ, но доказывало бы и незнакомство обвинителя съ русской исторіею. Можно-ли забывать хотя бы воинскую доблесть, выказанную многими нашими генералами-протестантами, отъ благороднаго Миниха, сподвижника Петра и героя Ставучанъ, до славнаго защитника Севастополя и покорителя Плевны Тотлебена?!

То, что я сказалъ о русскихъ католикахъ и протестантахъ, относится и ко всѣмъ остальнымъ подданнымъ Россіи. Повторяю: *чувство долга* побуждаетъ и ихъ служить вѣрно и безупречно своему Государю и своему отечеству!

Мнимыя противорѣчія въ славянофильствѣ.

Мнѣ остается разсмотрѣть то, что̀ западники говорятъ о *противорѣчіяхъ*, которыя они усматриваютъ въ нашихъ культурныхъ теоріяхъ, а также о нашемъ мнимомъ *эклектизмѣ*.

„Главное противорѣчіе,—говорятъ они,—заключается въ томъ, что тѣ самыя начала, которыя обособляли Россію отъ всего цивилизованнаго міра, должны стать (у славянофиловъ) принципомъ универсальной культуры!“ Да; такъ что̀ же? Вѣдь вопросъ въ томъ—кто изъ насъ правъ? Мы, обособленная Россія съ ея славянофильскою форму-

лой, или Западъ, съ *его* формулой. Западникамъ трудно допустить, что *мы* правы, а что Западъ *не* правъ, что вѣрна *наша* формула, а не его, не западная. Они не могутъ допустить, что, вотъ, мы, такіе необразованные, неказистые, бѣдные, беремся *и въ состояніи* поучать блестящій, культурный и богатый Западъ. Да, беремся. Потому что *мы* правы, а *онъ* неправъ! Потому что и наши религіозные (безусловные) идеалы вѣрнѣе западныхъ, и наши идеалы политическіе (хотя и не безусловные) тоже вѣрнѣе западныхъ. Затрудненіе это, однако, уменьшится, если мы отдѣлимъ нѣсколько эти идеалы отъ ихъ носителей. Нѣчто подобное, но, конечно, въ неизмѣримо бо́льшихъ размѣрахъ происходило при началѣ христіанской эры; и тогда гордому, богатому, утонченно-образованному греку или римлянину было не легко повѣрить, что величіе греко-римскаго міра, его культура, его могущество, его желѣзная политическая организація— должны уступить мѣсто совершенно иному порядку вещей, совершенно инымъ идеаламъ, коихъ носители, древніе христіане, тоже были темные, бѣдные люди, исповѣдовавшіе „безуміе“. Конечно, нашимъ противникамъ трудно допустить, что культура Запада, имѣвшая (когда-то Бэкона, Декарта и Канта, можетъ ошибаться и можетъ когда-нибудь уступить мѣсто такой культурѣ, у которой ничего подобнаго нѣтъ (пока) и не было. Они хотятъ какъ-нибудь помирить наши обособленные русскіе идеалы съ универсальными, будто бы,

идеалами западными, хотятъ, чтобы мы, оставаясь православными,—помирились съ папой, оставаясь монархистами, приняли парламентаризмъ... тогда, думаютъ они, мы бы и вышли изъ нашихъ „культурныхъ противорѣчій!“ Нѣтъ; совершенно наоборотъ: если бы мы послѣдовали ихъ недомысленному совѣту, *тогда-то* бы мы, дѣйствительно, и впали въ противорѣчіе!

Дѣйствительно: что́ такое та западная культура, которая представляется имъ чѣмъ-то цѣльнымъ, однороднымъ и предъ которой намъ слѣдуетъ преклониться?

Двойственныя основанія западной культуры.

Подъ культурой того или другаго народа понимается сумма явленій, въ которой выражается его самостоятельная (нравственная и умственная) индивидуальность, въ которой воплощаются его идеалы. Идеалы эти, постоянно возвышаясь, приближаясь къ идеалу абсолютному, становятся достояніемъ всего человѣчества. Этимъ путемъ каждый народъ и служитъ всему человѣчеству. Объ этихъ конечныхъ всечеловѣческихъ идеалахъ и думаютъ западники, говоря объ универсальной культурѣ; но гдѣ же должно искать эти высочайшіе, нормирующіе жизнь всего человѣчества идеалы? Конечно, въ философіи и религіи; но тутъ мы и наталкиваемся на непреоборимыя противорѣчія. Западная культура не однородна, а двойственна, основана на діаметрально-противоположныхъ принципахъ, находящихся въ непримиримой борьбѣ! Мнимая однородность западной культуры существуетъ лишь

для поверхностнаго наблюдателя, останавливающагося лишь на внѣшней сторонѣ явленій. Въ дѣйствительности однородной культуры на западѣ не существуетъ, тамъ происходитъ постоянная борьба и въ религіи, и въ философіи. Какъ же мы помиримся съ принципами, другъ другу противорѣчащими? Если бы наши противники дали себѣ трудъ подвергнуть строгому анализу, на примѣръ, двѣ главнѣйшія религіи Запада: католическую и протестантскую, и очистили бы заключающуюся въ нихъ абсолютную истину отъ случайныхъ человѣческихъ измышленій и примѣсей, они получили бы результатъ, который, конечно, не мало бы ихъ удивилъ—они получили бы ученіе древней нераздѣленной церкви, то-есть, именно, нашей православной! *) Но такимъ образомъ получится уже не мнимый западный религіозный идеалъ, (котораго въ дѣйствительности и не существуетъ) не неосуществимый идеалъ соединенныхъ католицизма и протестантизма, а *идеалъ* древней *нераздѣленной церкви*, то-есть, православіе. Гдѣ же окажутся послѣ этого „противорѣчія“ нашей „византійской“ „до-петровской“ „обособленной“ культуры съ культурой всечеловѣческою, абсолютною?!

Нѣчто подобное можно сказать и про западную философію и объ отношеніяхъ къ ней зарождающейся русской философской мысли. Есть, конечно, западныя философскія школы, но западной фило-

*) Или же и старо-католической.

софіи не существуетъ. Какъ нельзя примирить католика съ протестантомъ, такъ же точно нельзя примирить матеріалиста съ идеалистомъ. Но мы ищемъ не этого: русская философская мысль стремится къ созданію такой философіи, которая удовлетворяла бы не одни требованія ума (раціонализмъ), но примирила *бы всѣ стремленія души и удовлетворила бы всѣмъ ея потребностямъ*. Это стремленіе высказывается очень опредѣленно и у Ив. Кирѣевскаго и у Хомякова. Подобную мысль мы находимъ у Фихте: „So lange, пишетъ онъ Гёте, hat die Philosophie ihr Ziel noch nicht erreicht, als (bis) die Resultate der reflectirenden Abstraction, sich noch nicht an die reinste Geistlichkeit des Gefühls anschmiegen. *) Къ этому созвучію между разумомъ и чистою духовностью чувства, несомнѣнно, стремится и русская философская мысль, ставящая себѣ этическія задачи, преимущественно передъ діалектическими.

Добавимъ слѣдующее. Единовременное существованіе различныхъ культуръ и культурныхъ типовъ я считаю явленіемъ не только не вреднымъ, но, напротивъ, желательнымъ, полезнымъ; оно служитъ лишь къ лучшему, всестороннему освѣщенію истины. Конечно, основанія этихъ культуръ должны быть истинны, но они могутъ быть различны, не одни

*) Философія не достигла своей цѣли пока ея выводы (результаты рефлектирующаго отвлеченія) не объединились съ чистѣйшей духовностію чувства (не прильнули къ ней).

Jahrbücher der Goethe-Gesellschaft.

и тѣ же. Единство въ разнообразіи выше тождества. Блаж. Августинъ (Confess.) говоритъ, что разность мнѣній (о божественной истинѣ) не только извинительна, но и неизбѣжна, что она лучше единообразія и намѣренно допускается Божественною премудростію. „Я желалъ бы писать такъ,—говоритъ онъ,—чтобы въ моихъ словахъ находили мѣсто (выраженіе) всѣ воззрѣнія, всѣ различныя пониманія одной и той же истины, ей не противорѣчащія“. Нѣчто подобное можно сказать и о различныхъ культурахъ. Пусть каждая изъ нихъ по-своему осуществляетъ на землѣ Божественную истину! Никто, конечно, не будетъ оспаривать универсальнаго значенія Кантовской философіи, однако, она глубоко протестантская. Неужели же можно бы было потребовать отъ Канта, если бы онъ былъ нашимъ современникомъ, чтобы и онъ, великій основатель новѣйшей критической философіи, примирилъ свои „начала“, „соединилъ бы ихъ органически“, на примѣръ, съ началами графа де-Мэстра? Думаю, что великій кенигсбергскій философъ былъ бы поставленъ въ немалое затрудненіе такимъ требованіемъ! Если могутъ одновременно существовать самостоятельная протестантская философія Канта и самостоятельная католическая, на примѣръ, Аквината, то почему же не существовать и самостоятельной православной (и при томъ русской) философіи?

Мнимый эклектизмъ въ славянофильствѣ.

Мнѣ остается отвѣтить западникамъ на послѣднее ихъ обвиненіе.—Они говорятъ, что мы—эклектики, что собственной программы у насъ нѣтъ, что

мы живемъ заимствованіями и беремъ изъ чужихъ системъ не принадлежащія намъ истины,—словомъ, что у насъ нѣтъ никакого критерія. Обвиненіе серьезное, но оно съ гораздо большимъ правомъ можетъ быть направлено не Западомъ противъ насъ, а обратно—нами противъ Запада! Именно западная культура состоитъ изъ противорѣчій, *она* не имѣетъ надежнаго критерія, въ ней перемѣшаны и правда и ложь. На Западѣ существуютъ двѣ культуры, основанныя на противорѣчащихъ принципахъ; одной—истинной (представителями коей я, для примѣра, взялъ бы Канта, Бетховена и Гёте) мы сочувствуемъ, съ другой—ложной (для примѣра я указалъ бы на Конта, Спенсера, Зола, Оффенбаха) мы не хотимъ имѣть ничего общаго. На чьей сторонѣ, спрошу я, стоятъ сами западофилы? Нельзя же допустить, что и въ Кантѣ и въ Контѣ и въ Гёте и въ Зола одинаковая доля истины, что опираться можно на всѣхъ ихъ вмѣстѣ, безразлично, не впадая въ явное противорѣчіе, *) что человѣчество можетъ достигнуть своихъ нравственныхъ цѣлей, принимая за исходную точку и Макса Штирнера и Тейхмюллера... (такихъ противоположностей я, конечно, могъ бы привести десятки...),—съ которой же изъ обѣихъ противоположныхъ сторонъ слѣдуетъ идти и намъ, по мнѣнію господъ западниковъ? Это не праздный вопросъ. Философія не всегда сидитъ

*) То же самое должно сказать о заимствованіяхъ нашихъ и въ другихъ сферахъ западной культуры.

въ кабинетѣ ученаго; несмотря на свой абстрактный характеръ, она имѣетъ громадное *практическое* значеніе, и надъ нею могутъ смѣяться лишь тѣ, которые ея не понимаютъ.

На повѣрку выходитъ, стало быть, что отсутствіе критерія чувствуется не у насъ, а у самихъ западниковъ! Мы, конечно, дѣлаемъ заимствованія у Запада, и полезности ихъ я не оспариваю, но *наши* заимствованія *соотвѣтствуютъ нашему ученію*. Это обнаруживается и въ нашихъ философскихъ стремленіяхъ и исканіяхъ: первенствующее мѣсто въ нашей формулѣ занимаетъ, какъ извѣстно, православіе, религія; понятно, что мы склонны сочувствовать тѣмъ философскимъ системамъ, которыя не идутъ въ разрѣзъ съ данными религіи, которыя, хотя бы въ видѣ постулатовъ, признаютъ тѣ же истины, которыя служатъ основаніемъ и религіи, или, вѣрнѣе, которыя *даетъ религія*. Насъ, да и вообще русскихъ, привлекаетъ преимущественно та часть философіи, которая ближе всего соприкасается съ религіей, именно этика (этическій моментъ, какъ я сказалъ выше, играетъ первенствующую роль и въ нашей литературѣ, да и вообще въ народной мысли). Понятно, стало быть, что въ исканіяхъ нашихъ мы склоняемся къ Канту не только потому, что видимъ въ немъ геніальнаго основателя новѣйшей философіи, но и потому еще, что на его началахъ можетъ быть построена (и имъ же и построена) достойная удивленія этическая система. По этимъ же самымъ причинамъ мы *не* сочувствуемъ тупому позитивизму Конта, на которомъ нельзя по-

строить никакой этики, кромѣ самой низкопробной— утилитарной.

То же самое мы можемъ сказать и про нашъ мнимый эклектизмъ въ политикѣ: то, что не противорѣчитъ нашей формулѣ (*единая* и вполнѣ самостоятельная въ своихъ рѣшеніяхъ *воля*, пользующаяся и просвѣщенная свѣтомъ *многихъ умовъ*), можетъ быть нами принято и усвоено совершенно свободно и совершенно законно. Именно такъ мы и смотримъ на многія реформы Петра Великаго. Отчего не взять у Запада то, что намъ „на потребу“ и что не противорѣчитъ нашимъ принципамъ? Намъ было полезно побывать въ западной школѣ, но не слѣдуетъ намъ въ ней засиживаться; „пора домой!“ Пора выдти изъ западной опеки и отбросить все то, что не вяжется съ нашими основными понятіями, этическими и политическими. Намъ говорятъ, что если мы желаемъ брать у Запада его техническія усовершенствованія, участвовать въ его матеріальныхъ успѣхахъ, мы должны взять и весь его строй, всю его культуру. Почему же? Я этого не вижу! Почему употребленіе усовершенствованнаго ткацкаго станка или паровика высокаго давленія непремѣнно связано съ западно-европейскимъ пониманіемъ отношеній церкви къ государству или монарха къ народу? Техника остается техникой и ничуть не обязана вторгаться въ чуждыя ей области, ей тамъ нечего искать; ткать тѣмъ или другимъ способомъ или топить локомотивъ тѣмъ или другимъ топливомъ можно съ одинаковымъ успѣ-

хомъ, будучи и славянофиломъ и западофиломъ, и римскимъ иналлибилистомъ, и протестантскимъ унитаріемъ и православнымъ. Мы беремъ изъ западной культуры не только то, „что намъ нравится“, но *то, что при этомъ согласно* съ нашими принципами, то, что можетъ войти составною частью въ нашу систему, не нарушая ея единства; и именно такъ, а не иначе, именно съ этими ограниченіями мы согласны принимать и принимаемъ завоеванія Запада въ наукѣ и искусствѣ, и даже въ его гражданственности; такъ—мы желаемъ гласности, но безъ возможности шантажа, желаемъ свѣта и совѣта, но не конституціонной борьбы и т. д. Нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ говорятъ, что при извѣстныхъ условіяхъ мы могли бы найти почву для соглашенія съ ними, — чего же лучше. Я былъ бы искренно радъ, если бы мы, люди разныхъ мнѣній или лагерей (къ счастію, „*партій*“ у насъ еще нѣтъ) соединились въ служеніи общему намъ дѣлу. Будемъ спорить, будемъ сообща думать, а гдѣ и въ чемъ можно—сообща и дѣйствовать! Для служенія правому дѣлу могутъ найтись многіе пути.

Отношенія наши къ народу.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нашихъ отношеніяхъ къ нашему простому народу, „къ мужику“. Вѣдь насъ называютъ не только „славянофилами“, но и „*народниками*“. Что же? Въ добрый часъ! мы отъ этого прозвища не отказываемся. Да; мы *народники*, да, мы тѣсно связаны съ нашимъ народомъ, и въ этой духовной связи съ нимъ мы почерпаемъ не только *нашу силу*, но и

наше право считать себя, въ извѣстномъ смыслѣ, и его руководителями! Мы никогда не относились къ нашему народу ни сентиментально, ни презрительно, какъ къ стаду барановъ, которое мы будто бы призваны передѣлать, переработать по своему! Нѣтъ, мы всегда относились (и относимся) къ нему *трезво*, но и *любовно*.

Право наше на „водительство“ народа мы видимъ въ тождествѣ нашихъ идеаловъ, въ томъ, что „мы молимся одному съ нимъ Богу“. Между нами есть, конечно, разница: мы относимся *сознательно* къ той „правдѣ“, которой онъ вѣритъ *непосредственно;* но и только! Въ силѣ, въ глубинѣ своей вѣры онъ, конечно, намъ не уступитъ! Онъ, конечно, не менѣе насъ готовъ пожертвовать всѣмъ, и кровью и достаткомъ на служеніе „Вѣрѣ, Царю и Отечеству!“ Въ насъ, славянофилахъ, нѣтъ никакой ни феодальной, ни „интеллигентной“ гордыни; мы помнимъ что мясникъ Мининъ стоитъ рядомъ съ княземъ Пожарскимъ, родовитый митрополитъ Алексѣй—рядомъ съ Никономъ и Пушкинъ—съ Ломоносовымъ. Да; мы съ нашимъ народомъ *Едино*. Мы почерпаемъ наши нравственныя силы въ томъ же божественномъ, животворящемъ источникѣ. Да; мы живемъ съ нимъ единой жизнью, радуемся его радостями и горюемъ его горемъ, и сообща съ нимъ „вѣрой и правдой“ готовы служить нашей святой церкви и нашей дорогой Россіи.

Въ чемъ да поможетъ намъ Богъ!

ПАВЛОВСКЪ.
Августъ 1896.

Александръ Киреевъ.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР